

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОГО
С. С. С. Р.
МОСКВА
В. И. АЛЕКСАНДРОВ

СМЕНА

объявляет
конкурс
на лучшего
стрелка среди
молодежи!

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1927
№
4

НОВЫЙ ГОРЬКИЙ БАЛКАНСКИХ СТРАН

Павант Истрати.—Кира Киралина. Дядя Ангел. Гай-дуку и ГИЗ. «Универсальная библиотека», 1927 г.
 Рассказ писателя Павант Истрати уже не ограничился, как раньше целком эти красочные, как «1001 ночь», страницы. Ряд незабываемых фигур вырастает перед читателем. — Вот сбитенщик Ставро — ягтевова, страстная бродажничка натура; в детстве избалованный матерью и красавицей сестрой мальчишка, он становится безумным притирателем и жестоким извращенцем матери сверх-отцом; после — пленник торговца женщинами састолобивогу тора Эфенди; после бегства от тора — опять пленник благородного, но не менее Эфенди страстного, Муствары-бей, после бегства от бей — бедолаха бродячий артист, безработный артист (Корю). Корюлина. — Вот неукротимый вождь контрабандистов Косма, который жизнь бьла, как буря с громом и молнией, который своего сына признает слепым не по крови, а потому, что «ты, как и мы, любим ветер, и мелководию по идеям, и любовь к тебе, и свободу тебе, и радость, и злобу, и радость, и несчастье, и смерть глупую врагу; любишь благородное вино, сонную еду, дружественную трубку и руку бутюшника (Дядя Ангел)». — Вот «сын слез», гайдуку по дня рождения Ериоя, больше всего на свете любивший свободу, превращающийся в тех, кто нарушает свободу, и тех, кто боится ехать на зыбту се (Дядя Ангел и Гайдуку). — И еще, и еще целый ряд не менее ярких фигур проносится перед читателем.

Павант Истрати — прирожденный, влюбленный половецатель Босфор, которого собственная кровь, свистящая тебе в уши, ревни, злоба, так говорит о нем: «Я прочел (писал Истрати) и ощутил смещение границ. Кажется, что живучий ветер проносился над равниной. То была исповедь нового Горького балканских стран». В рассказах Истрати много автобиографического. Живая жизнь его периода как его величия — только необычайных происшествий, и в них — трагизм и ужасно. Язык этих рассказов блещет всеми драгоценностями восточных сказаний.

Масса интереснейшего бытового материала из жизни турецких Балкан этой книги прошлого столетия и та злобность и жизнь, то сочувствие и безразличие и ненависть к своему народу, которые наскаплены все эти юности, заслужают рекомендацию Павант Истрати нашему молодому читателю.

Н. И. Новоселов

С. И. Сербь.—На золотых присказках. Очерки провинской жизни. ГИЗ, 1927, стр. 99. Ц. 70 к.

Автор очерков — не профессиональный литератор, а просто человек, за спиной которого богатейший жизненный опыт и множество путешествий по всем углам украинского Поволжья в СССР. Оттого с таким увлечением читается эта книга, описывающая жизнь, работу и типы золотых садоводов в горках Кузнецкого Ала-уду. Книга дает массу сведений о видах и способах добычи золота, данные о золотых богатствах СССР и пр. Все эти полезные сведения даны в форме легкого читающихся очерков, где живописно и картинно — на фоне прекраснейших описаний природы и рассказа автора о своих собственных переживаниях.

Н. И. Новоселов

Г. Алексеев.—50 к. Глаза. Рассказы. «Круг», М. 1926 г. Стр. 215. Ц. 50 к.

Глеб Алексеев владеет интересным и свежим миром. Его рассказы, несомненно четкие по композиции, интересны и оригинальны по трактовке темы. По своим художественным данным Алексеев ближе к прозаической и крестьянской психологии.

Из пяти рассказов СЗ выделяются, как рассказы о девушке. Любопытная женская психология показана в рассказе «Душино счастье». Это — вполне сентиментальная и добродетельная и внутренне расселенная и затрята натура крестьянской девушки, воспевающей о городской «ландице». В ней одновременно смешались и сублимационный протест против судьбы деревенской девушки и огромная жажда выкапнуть себе новую долю, с быстрым оседанием и оживлением. Все это из-за отсутствия каких-либо интересов, кроме любви к девушке.

С большим подтекстом и напряженностью показана Наташа (в рассказе «Перовцев»), ее уже руководит чувство протеста против узкого, замкнутого круга благополучия и бедокажательности жизни «се мужем» — Шураком, оправдывающим себя и себя в отблеске своей культуры. При единении реднотных для горюда диспутан Наташа энергично находит выход из этой жизни.

Третий рассказ («Дело о трупе») — рассказ о самоубийстве комсомольца. Здесь автор наиболее полно и достоверно восстанавливает историю по дневнику и свидетельским показаниям. В этом чувствуется недостаточное знакомство писателя со средой, потому выводы автора — о внутреннем одиночестве, недостаточной моральной устойчивости и небрежности товарищей — лишь предполагаются, но не получают полного выражения.

Остальные вещи сборника: рассказ о спокойном, строгом, эпическом и как бы даже хозяйственном отношении к смерти в крестьянской семье («Две глаза») и трагедийный, несомненно, надуманный и искусственный рассказ «Горькие яблоки».

В стиле автора иногда коробит «подлинности» натурализм, неумное подчеркивание деталей.

Б. Л.

К. Каревот (ст. Удальна).—Присланное незначительно по теме. Не пойдет.

В. Тирарову.—Новые Ваши стихи каких-либо новых результатов не принесли. Та же нерешительность, скоропалительность. Понтово — «Стихи» слышны, заметна полнота за счет повешения качества.

Н. Шыкирову (Москва).—Присланное Вами, крайне слабо. Конечно, многообразительности Вы не обнаруживаете. Вам следует серьезно заняться за самообразованием.

А. Ту.—Стихи слышны, заметна полнота своему для журнала не подходит.

Б. Юченко — Териру.—Рассказ «Последние судороги» не пойдет.

А. Мури с (Москва).—Ваш очерк написан очень слабо, чего-либо нового и интересного читателю он не дает. Напечатать не можем.

З. Гольдберг (Иркутск).—Рассказанные Вами три встречи не заслуживают внимания. Образ Басма неясен. И эти стихи не метричны. Возмущающую тему вы изложили холодно протокольным слогом. Говорить вообще о наших художественных недостатках на основании присланного очень трудно, однако, думаю, что писать Вы должны, конечно, избегая таких выражений как «иногда слышны» или «они излагаются над женщинами и таких фраза как: «А Сокольников чьял на нас, а именно на меня, да ведь, что я оскоржен на балдоты и д...»

М. Кулакору (Киев).—Стих. «Весьма» очень велико по размеру, в наш журнал не поместится. Приложите Вашу прозу. Можете так же вообще писать стихи — это одному присланному стихотворцу, судить трудно.

А. Долгов (без обон. адреса).—Вы плохое сделали самую природу стиха — из всего присланного только «Проволока» легла, и в это оторвано стихотворение, может называться стихотворением. Это может даже из того, что, не умея написать строфу, вы пишете все под ряд в строку; — произвольным приемом. Советуем приобрести теоретические знания о технике стиха — в этом отношении Вам поможет книжка Г. Шевеля: «Как писать стихи, статьи и рассказы». Практику стихосложения пока оставьте.

М. Фоминицу (ст. Панковская).—Вы пишете: «Фунтун сть торемных, Рухнет тор гиний, подматыш...». ...опоздали, товарищи, дано ружье и патроны, пре какого сулакника вы говорите?

Образцы Вашего стиха: —Трактор, зыся, гудит... —И в этой деревне неслых шестидцать (?) мот.

Вам необходимо работать и над собой, и над стихом, чтобы иметь положительные результаты.

Г. Киви с (Кронштадт).—Раду в Ваших стихах больше торемных. «Зык» выдержана в ритме, в рифме ошибки: «глазком рифмуется с «огонь», или «обор с «алдор». Неправильно сделали ударение в слове «самер» (самер, а не амьр). Внутренний остр стиха Ваши почти пропущены, больше работайте над деталями.

Г. Запольскому (г. Ижевск).—Стихи Ваши очень слабы. Больше читайте стихотворные образцы, прислушайтесь к поэтической речи вообще и Вы тогда увидите, что такие выражения как: «Враг сиден, мы это знаем, С глза не скроем никогда».

«На лице с искаженной улыбкой Дух свой последний спускали, но только в стихотворных, но и в разговорном обороте не применялись, потому что построены с грамматикой, не верно. Вам необходимо пополнить ваше образование.

П. Злескому (ст. Болфра).—Рассказ написан не будет: тема шаблонна, шаблонна и трактовка ее. В стиле больше промахи в роде... потому что опирается на темы усюкоти ветей и просвещающие сквозь них звездные поэзии. Или «спертые портреты пожелтевшие» — выстроены над безделье молодежи, бундо возмущающую настрою новой жизни и т. д. Где это Вы видели, чтобы в стихах не было никаких извращений? Не признавая требования (речь идет о требовании полового стрелителства) в порядке комсомольской дисциплины не признавая, Вы все равно не можете, потому что не можете пронаронить в утвердительной форме перед собранием. Противоречива характеристика Сюби. Не пойдет.

К. Пичевинову (Ташкент).—Стихотворение нигуда не годится. Рассказ малю интересен по теме, но не по стилю. Стихотворение «королит» теме Вы умеете. Остаточка лишь за выбором темы и композиции ее. Избегайте таких выражений как «иногда слышны», «они слышны» — это другой тон дурных хрестоматий для детей хрестоматия поедения.

В. Сидорову (Харьков).—Стих. Ваши напечатать не можем: они пока — покусения с негодными средствами. И темы задротны, и смысл неясен, и форма неясна, форма — у Вас малю убедительна. «...Вас же разобьем, живыми (?) мы не оставим никогда».

«...Мы как чертей страхнем усильеи с своей волюи». Эти строки наиболее показательны, как примеры Вашего неумения писать ритмически и художественно. Много и других таких же примеров. «Плетать» ли вам на «это дело»? Думаю, что нет.

Всего в форме наза формы Вам придется, конечно, немало.

ПРИСЛАННОЕ СЛОВО, НАПЕЧАТАНО. — ТАТЬ ИВАНОВИЧ. Н. П. Г. (Ульяновск). Г. Соколовьев (Сокольников).

ОТВЕЧЕНО ПИСЬМАМИ
 И. Весевожскому (Усть-Ижора). И. Шиф (Александров). Ю. Уфимцеву (Бирск). М. Зинкову (Верхне-Узинск). П. Семенову (ст. Бродовск). А. Болдигину (Ульяновск). П. Павловскому (Борисоглебск). И. Кравачеку (Саратов). П. Андрееву (Ярославль). Б. Орлову (Ленинград). Турменскому. Тестидову (ст. Чернореченский). Д. Гомаинов (ст. Каменский). Г. Артемию (ст. Ишим).

СОДЕРЖАНИЕ: О. ОГНЕВ — Следы динозавра (повесть). Н. КУЛАГИН — Балаалка (рассказ). И. ВОДНАНОВ — Звонкий пророк (повесть). И. ОГНЕВ. КОНКУРС НА ЛУЧШЕГО СТРЕЛКА — С. С. КАМЕНЕВ — О конкурсе. И. СЕМАШКО — Цирк — выходы (к десяти годовщине свержения самодержавия). И. ЛИН — Девушка и скака. П. ПОПАТИН — Волга — Дон — Азовское море. В 28 папках через Атлантический океан. Л. БАХАШ — Всеоживый праздник зимнего спорта. ЗАГАДАНИЕ НОВОСТИ. (Музыкально-культуры). **ВИБЛИОГРАФИЯ. ШАШКИ. ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.**

РЕДКОЛЛЕКЦИЯ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» Отв. редактор Т. Костров

Гавлит № 82701. 5-я типография «Трансечетат» НКПС «Пролетарское Слово», Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 14,000

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Черкасский переулок, д. № 3/4. Тел. 1-30-13

Рукопись принимается, написанная на машинке или четкой рукой на одной стороне листа

СМЕНА

ТРИУМФИТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВООРУЖЕННОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗУ МОЛОДЕЖИ
ИЗ-ВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 выг.	3 руб. 40 коп.
« 6 мес. — 12 —	2 — 00 —
« 3 — 6 —	1 — 00 —
« 1 — 2 —	30 —
Отдельный №	5 —

Подписку принимает Отдел Первичных Изданий Из-ва «Молодая Гвардия»
Москва, Новая площадь, д. № 3/4

СЛЕДЫ ДИНОЗАВРА

Повесть И. ОГНЕВА, рис. Ю. ГАНФ

Французский профессор Дормэ совершил научную поездку в Монголию. Он надеется найти там остатки динозаврических животных. Но в Монголии он не ожидает никаких успехов. Срочно требуется заместитель. Усерднейшим Френкель беретесь помочь профессору. Комиссару Синякову «все надоело», — он встает хоть «к морту на рога». Почему ему не ехать в Монголию, а, может быть, и в Китай. Дормэ, Френкель и Синяков встают «к отъезду», — профессор перестает читать и идет далеко помысловых приключений...

1. Видения палеонтолога

— Альфонс, умывайтесь!

Ответа не было. Профессор задремав снова. Где-то в глубинах сознания еще шевелилась мысль о том, что нужно встывать, куда-то ехать, что-то предпринимать... но все это заволашевалось какой-то дымовой завесой, она закружилась сумятицей струями, за ней басунада синь моря, встали белые меловые скалы. Гигантские яхонтопапоротники с трехэтажной дом, плауны, сигиларии, ламинариды раскинулись по беленые скалы темно-зелеными лапами.

— Меловая система юртической, мелозавской группы», — со сумятицей удовлетворением отметила дымчатая профессора.

Но вот зашевелилась, качаясь, группа папоротников, оттуда глянула острое, колочное, неприятные глаза. Выслушав остроконечная голова, украшенная громадным двухметровым шипом и двумя шипами поменьше. Глаза не прищиплено и подорывательно оглядели окрестность изпод опухлых век.

— Триплетон, — с замиранием сердца доулам профессор. — Он высматривает добычу.

И, словно в ответ профессору, домая стволы папоротника, на меловой скале повела грозно-бронзовая туша величавой со слона.

— Ну да, триплетон — трехголый динозавр, — с восхищением подтвердил про себя профессор.

Динозавр, раскачиваясь, дошло до вершины скалы и приник всей тушей к ее меловой поверхности. А сплывшая до сих пор гладь моря внезапно забурыла, пошпи крути, летящие волны

стали биться на берег. Динозавр сжался, словно готовясь к прыжку.

— А ведь он немного пониже Эйфельской башни, — ужас с жуткой подумал профессор. — Кто же его противник?

Из моря выслушався голова на очень длинной гибкой шее. Похоже было, что колоссальных размеров змея встала на хвост, расквашивая, ищет жертву. Динозавр нагну голову, высталы шипы, и тотчас же по поверхности моря поехали страшный, скрепящий звук, словно поворачивали колеса деревянного колесоца.

— А вот как называют на бой динозавров, — удовлетворено подумал профессор. — Но кто же его противник?

Противник, издывая ровный, непрерывающийся свист, уже лез из моря напугать динозавру. Какалось, гигантская змея приключилась к туловищу колоссальной свиньи. Грозный хвост обхватыв в трехсотлетний дуб вооружился по скале, оставая серый, марный свист.

— Динодок, — определила профессор. — Интересно, кто же сильнее?

Динозавр внезапно оттолкнулся — и прыгнул. Его падение на синю дилловою было ужасно.

Динодок вылетел, захрипел, его шее змеи обвилась вокруг исположского жула динозавра; было видно, как шея вздулась змеи туловищу с каинт. Динозавр, изловившись, вылез из галазничной пещеры, захрипел, она змеи, называясь, покотилась в море... Еще немного, еще — страшный грохот покотился по меловой скалам, заставила вздрогнуть, колдобится, нечаять папоротники, плауны, моты жюной...

— Но почему же такой грохот? — с удивлением подумал профессор, и открыл глаза. Та же самая стена, покрытая ровными, деловыми обоями; коричневая панель изорывавшей перегородки, поной отливки, кушину и таз в углу... все, как в любом номере любой европейской гостиницы.

2. Москва за окном

— Альфонс, умывайтесь!

За окном глянуло молодая омылась, иези и завывали гудки, сирены, рожки. Где-то вину, за стеной, пыла недвижимо и стремительная масса пешеходов. Автомобили, автобусы, грузовики перетянули друг друга в бете к неведомой цели. Но давеча, чтобы видеть, нужно было встать, выйти из-за перегородки... вообще — расстаться с терзающей и легкой постелью. Но для этого нужна теплая вода, мохнатая простыня — и, самое главное, чтобы кто-то пригласил и подал.

— Ну, что же вы, Альфонс!

Ответа не было. — Пошел за водой, — решил профессор. — В этой большевистской стране теп-

Альфонс! Альфонс!

лая вода вылезает, вероятно, по нарочкам. Странно, однако... — Профессор вспомнил вчерашнее ветру на вокзале, вполне прележные молодых людей из «Общества культурной связи», представителя научного общества, легкого «Флат», на котором профессора доставили в гостиницу. — Неужели все это подделка? Неужели стремительное движение на улицах, расторопные милиционеры, сверкающие витрины магазинов, потоки электричества, — неужли все это подготовлено только для того, чтобы пустить пыль в глаза ему, профессору Дормэ, члену Французского Палеонтологического Общества? Профессор твердо решил, что еще до отъезда в Россию он решит и в каком случае не откажется от главной цели и не обратит внимания на эксперименты большевиков. Да, все это так, но если у них нет тепловой воды...

— Альфонс!

Встанать и расквашать Альфонса не хотелось, четырехдневная дорога расстрадала организм профессора. Но вместе с тем встать было нужно, так как до отъезда нужно было познакомиться с несколькими коллегами, кое-чем записаться, достать новые, советские карты Манголии... Монголия! Наконец-то, профессор находился на пороге неизведанных, неисследованных стран, гигагических пустынь, смелительных вехи возраста истории, где каждый шаг мог сулить новые, неожиданные, и потрясающие открытия... Мамонт, покрытый мехом с волосьями и доставленный в один из русских музеев... Мертвый город Хара-Хото... Кости исположских ископаемых... Все это факты, а не под досужей фантазии, не измышления широта Чаландера, жюрилиста Мюльера и ослепила лорда Рокестона! Нет, каждая минута дорога!

— Альфонс! Альфонс! Альфонс!

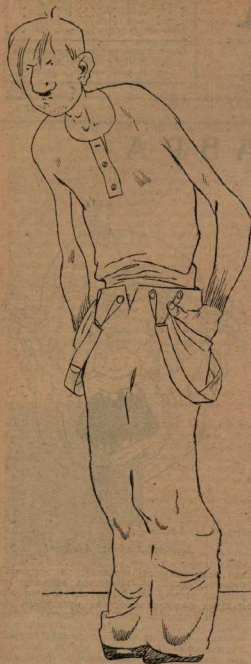
3. Мертвый камердинер

Но Альфонса не было. Профессор встал, поспешил напугать брюки и, утасывая в помочах, выгнулся из-за перегородки. Верно, за оном!

— Перекажи рюмку Куинси-Дойла «Этратинский мир».

Профессор вспомнил вчерашнюю ветру на вокзале, вполне прележные молодых людей из «Общества культурной связи»...

Тов. Френкель

туманилось московское зимнее утро, легкие узоры красовались на стеклах окон. Чегодаты стояли нераспаваявшимися. И профессор ощутил, что он стоит в чьем-то морю. Верно, — гадкий и блестящий паркет был залит водой.

— Вот большевистские прелесть, — иронически сказал профессор вслух. — Лоупил водопровод и нас утонул потопом.

Профессор подошел к крутилке, взял ненужные ботинок, надел их на мокрые носки, и направился к выходной двери с явной целью устроить настоящий французский скандал и устроить потопу этой большевистской гостиницы, и Альфонсу, и вообще всем, кто попадется на дороге. Но большая и тяжелая дверь в переднюю номера не открывалась: профессор с силой нажал ручку и отпахнул каюк-то препятствие. Поверек мажорской передней лежало человеческое тело; профессор взглянул, узнал тщательный пробор Альфонса, его смюкинг, надетый прямо на фуфайку, тщательно выглаженные брюки...

— Что с вами, Альфонс? — закричал профессор, трояк камердиенера за плечо. От толчка профессора плечо качнулось, но тотчас же неуловительно вернулось на старое место.

— Что такое? Пульс, пульс, — забормотал профессор, нащупывая руку Альфонса. — Что такое?.. Не работает сердце? Не бьется и сердце! Альфонс, что с вами?

Альфонс недвижно лежал, уткнувшись лицом в разбитый фарфоровый утюжок. Ровный роток юледе за омыли только подергивал парфюмированную застенную тишину. И внезапно профессор понял, что Альфонс потерян навсегда, что Альфонса больше не будет, и что он сам,

профессор Дорме, остался один в этой странной, разбитой стране. Резким движением профессор распахнул дверь в коридор.

— На помойку Люди! Люди! — закричала профессор в строгую тишину коридора и так как никто не отзывался, добавил нетромо и не уверенно:

— Та-ва-ри-ши!

Еще в Париже профессор, готовясь к путешествию, раздобыл французско-русский словарь, и какой-то оборванный эмигрант целых два дня учил его произношению некоторых, наиболее употребительных русских слов. И теперь, так как никто не отзывался, профессор в отчаянии хаотично выпаливал в пустоту коридора весь свой запас:

— Та-ва-ри-ши! Красивы женщины! Из-вини-ни!

Дверь соседнего номера с шумом растворилась, оттуда шагнул необыкновенно длинный мужчина в фуфайке, стал перед профессором, спросил:

— В чем дело, гражданин?

— Извини-ни, — уже не помня смысла сказанного слова, умоляюще пролетел профессор, глядя на незнакомого сына вверх. — Помните, мой Альфонс умеет. Может быть, и в обороты. Но я вижу, что вы не понимаете! О, боже! Дайте же вышло-ка!

— Э, да вы я вижу марле франсе, — прервал его незнакомец. — Муа, оссен! — Ах, Альфонс! Тогда профессор ухватил его за фуфайку и потащил его в коридор своего номера. Быстрая и горная французская река ударила в уши незнакомца нервной рабачьей дрожью.

— Ах, это был такой слуга, такой слуга! И вы понимаете, в этой варварской стране потерять такого слугу, это нужно иметь несчастье. Он был не только слугой, он заменил мне технического помощника. Это с ним вместе на юге Франции мы обнаружили в сланище гитродромат! Профессор Чаленджер, этот всемирный шарлатан, готов был пошутить от зависти, он шел на все, чтобы переменить от меня Альфонса! И теперь — на пороге великого открытия! — потерять его! Что это был за помощник!

Но долговязый незнакомец, обращая мало внимания на бесшумную профессорскую речь, быстро и деловито шагнул в спальню, несколько раз нажал кнопку звонка, затем положил Альфонса на спину и с трудом втащил его в номер, ближе к свету. Пока коридорный бегал за доктором, долговязый попытался объяснить Альфонсу несущественные детали, но без всяких выжимных результатов. Прибывший доктор выслушал сердце, проверил пульс и сказал:

— Море! Позовите милицию. Разрыв сердца.

В 4. Товарищ Френкель

Долговязый незнакомец шагнул к профессору, сочувственно покачал ему руку, сказал:

— Морс, по латыни — смерть. Мои французские познания ограничены. Доктор, объясните ему, что я желал бы оказать ему полезное содействие. Меня зовут Френкель, товарищ Френкель.

Френкель принадлежал к числу людей, выбравших из всех импералистической и гражданской войнами. В спокойной, обязательской жизни был бы Френкель четководом или почтительно-телеграфным чиновником, кумиром провинциальной буржуазии, руководителем доблительских спектаклей. Но эпоха потрясений вывела из Френкеля из механической среды, закрутила его, завертела и — вот уже целое пятнадцатилетие вертелся, бесновился, разорялся Френкель, не находя себе пригнуса, доли, места в общем мировом строительстве государства. В партию Френкель не вступал сознательно, так как не выносил никаких при к р и к е л е н о с т е й, но с партийными друзьями и даже пользовался известным доверием. К Френкелю относились добродушно-иронически; если нужно было выразить что-нибудь несбыточное, несуществующее, малорезкое, то товарищи да это когда Френкель разорвался кончить, и Френкель это знал, и сам над этим сомневался. Главная беда Френкеля состояла в том, что он начинал, и не кончал. То он организовывал где-то на Повтавчине кусты без партийной молодежи, но на полдороге бросал и мчался в Архангельск, и мчался ходил по публичке и побирался наобаче. В Сибири ставил на ноги малопонятные артели, в Белоруссии

добывал тракторы для крестьянских обществ, и затем оседая на некоторое время в Москве, ерду хватаясь за первое попавшееся дело. Френкеля несколько раз арестовывали, но очень скоро отпускали, так как убеждали, что он не эфендист и шарлатан, а совершенно беспримысленный человек, только без притык у...

И теперь, стоя перед профессором Дорме, с самым дружеским видом, Френкель действительно ждал, что толстый профессор, оказав содействие, а для этого — войти в комнату к т.

— Муа, же вы заissor, — шел Френкель с содерзительно немощными французско-интерпретским выговором и не дожидаясь объяснений доктора. — Je docteur вы, же не ажек плеар 2.

Пока санитары укладывали на носилки труп Альфонса, доктор с трудом выговаривая французские слова, устно описал профессору. Выяснилось, что профессор хотел уехать в Монголию как можно скорее, а самое главное — разыскать в Москве такого человека, который хоть бы отчасти заменил бы скончавшегося Альфонса.

— Ах, доктор, вы говорите, что в Москве можно будет найти заместителя, — говорил профессор. — Да, я понимаю, но какого? Мне подсказывает Альфонс, что нужно будет отличить триаковую систему от архаической группы, который случает случае бронтиторава с клешией трилобита. Нет-т. Потерять Альфонса на самом пороге великого открытия!

Между тем доктор объяснил Френкелю все, что нужно было сделать для профессора. Френкель выслушал с видом величайшей готовности, и не успел доктор кончить фразу, как Френкель уже неслышимо ткнул пальцем по телефону — вызвать Дом Ученых, заказать инструменты и — размыслив помощника профессору.

5. Разложившиися Свистуню в «Тюшина князя». В клуб что ли шаркунт? Выхода Свистуню оставались посредит тротуара.

«Бузина все... Кульработа тоже называется... А куда полетать? Эх, череполещина. Придется в клуб! А что там делать?»

Весьма нехорошо сложилось по слабо освещенной домашним фонариком улице, оставались на плакате Анхима: по сцене фону катился земной шар, и его отпала стреловидный самолет. «Витражи вы, куда отступать, покуда кто ли?». Всеми тем страны, народам... Ужаты бы туда от всех? Поми же, выиграл!.. Да и билет еще не куплен.

Летная шарляк ногали по тротуару, Свистуню двинулся вдоль улицы.

Не успел Васяна подняться по обшарканной, со седыми шами на ступеньках лестнице, знакомой до выдоха вышюном, — как его остановил, яростно Панша: «Любон».

— Васюка, ты что? — нахмурил он. — Разлагаясь под влиянием непа? По целым неделям в клубе не бываешь?

— А что делал-то?

— Раньше-то находил дело? — Раньше находил, а теперь не нахожу...

— Э, злобой сказал Васяна, глядя прямо в глаза Любону. Ведь разбегаясь, разбегаясь, вы обшариваете, а она расплывается. Ребята больше в шашку играют, а девчата фотостратом обучаются. Поми, замани их на поллитратую или хотя на обшарывающую... Ну?

— Вот не ну! Ты не бузи, Свистуню, а возьми вот — просмотри программы лекции политико-лики, из ЦК прислали. А я сейчас на президиум... И ЦОК несеч. Под самым плакатом и к е з у р и е, в е б и т а т а несколько партий и отчаянно дымил шапиромы и громко хохотали.

«Ишь, ржук!.. Клубисты, тоже! Верно пошаривши... подумал Свистуню и, проходя мимо, бросил:

«А вас уверю... доктор вам скажет, что я в удовольствиием...»

Альфонс лежал, уткнувшись носом в разбитый утюжок

Динозавр внезапно столкнулся и прыгнул

— Курить бы можно и перестать!—Но никто не обратил внимания.

В углу несколько ребят разрабатывали на брусьях; брусья все время выскакивали из гнезд и стойки шатались. Кожаные матрасы были свалены беспорядочной грудой, и от каждого прыжка на них поднималась столбом пыль.

«Разломали, черт!.. Все неорганизовано, без присмотра... Никому и дела нету...»—подумал Свистунов, отворачиваясь в сторону.

В другом углу несколько девчат напевали «Цыганочку»; две девочки, стоя друг против друга, изображали цыганскую пляску: отчаянно тряся плечами и прищипывая пальцами, они как-то странно выворачивали ноги одна перед другой.

«Вот она, стабилизация!—мелькнуло в голове у Свистунова. Он решительно подошел к девочкам, схватил одну из них за плечо.

— Это что же—клуб или кабак?

— Да что ты, Вася, в чем дело?—и потанцовать нельзя?

— Чего хвастаешь? Тоже, нашелся распорядитель!

— Генерал—его превосходительство! Слушаем—с ваших приказаний, только не можем исполнить!

И, забывая, что девочка и год, и два, и три тому назад, тогда, когда, казалось, работа шла на полных парах, отругивались точно так же и в тех же самых ширюжках.—Свистунов внезапно очутился в выкриках девчат о самом разложении, которое он так остро чувствовал за последние время. Мало того, отидя от девчат, Вася почувствовал, что внутри у него что-то ушло, что какой-то холод входит в сознание, и что, пожалуй, он, активист Вася Свистунов, и не нужен больше этому клубу, который он с такой охотой и с таким революционным напором строил четыре года тому назад.

«И как это они могут работать в такой обстановке!—подумал Вася, проходя мимо комнаты президиума, откуда раздавался возбужденный голос.—В других комнатах, по крайней мере, есть результаты. А с нашими ребятами разве что спешаешь. Ой! бузина!»

В художественной мастерской, на полу, сидели несколько ребят и клеили стенгаз.

— Свистунов, Вася! Помогать пришел?—встрелил ребята.—Или, посмотри, как здорово получается. Президиум за бездельность прокатили!

— Некогда,—отрезал Вася и с неприязнью подумал: «парашют бы вас отсюда... Тоже, старается, время убивают, а в газете одно зубоскальство и бузина—дальнего ничего не почернешь...»

Вася вытятился из кармана программы и, ушедший из подоконник, стал их просматривать.

— А Свистунов где?—раздался громкий, возбужденный голос в соседней комнате,—и в художественный влетел бывший руководитель хорошего кружка Френкель. Вот он где! Зарастувай, Вася! Дело есть! Ну, как дела? Подем, поговорим!

— Френкель?!—с радостным удивлением вытаращил глаза Вася.—Откуда? Года два не видались!

— Ну, не видались, а теперь увиделись! Идем, идем! Я только третьего дня с Урала—золотые россыпи разыскивал.

— Ну и что,—нашел?—с улыбочкой спросил Вася, подмигивая и уже чувствуя себя вовлеченным в струю необузданной и безгневной энергии этого долговязого человека.

— Поиди, найди; да не в этом дело! Вот что,—отбивал Френкель слова, вывел Васю в коридор.—Можешь ты мне рекомендовать человека? Необходимо нужен человек. Только

имей в виду: тут эта самая, как ее,—палеонтология замешана. Так что толкового!

— Какой человек? Какая срундология?—перелбил Вася.

— Палеонтология это про разных мамонтов,—последнее пояснил Френкель.—Только мне некогда, идем—проводи меня, все объясню...

И на бусикре у Френкеля Вася Свистунов покинул клуб.

6. Краткие сведения о науке

Тихие просторы Дома Ученых были внезапно встревожены грохотом шагов, громкими голосами, препирательными со швейцаром. Френкель втащил Васю в общую комнату, усадил в мягкое кресло, сям неслышно на мигновение — и притаился какого-то старого старичка. Старичок испуганно озираясь, пытался оправдываться, но Френкель усадил его против Васки и совершенно авторитарным тоном заявил:

— Вот что, товарищ! Мы вас не обеспокоим да и задерживать не будем. Но нам необходимо задать вам один вопрос. Что такое палеонтология? В каких-то словах. Раз-два — и готово!

— Но позвольте, граждане...—пытался протестовать старичок.

Отчаянно трясла ладьями, изображала цыганскую пляску

изучением вымершей породы гигантских шипов—динозавра—движется палеонтология, а ящеры—прямых потомков динозавров—звучат зоология. Истиснувшие с лица земли растения динидодроциты, встречающиеся только в виде окаменелостей, подлежат изучению ученых палеонтологов, тогда как блавыкие их родственники—напоротники—исследуются ученики-ботаниками.

Старичке встал, взодаушался.

Науки палеонтология и геология занимаются—каждая в своей области—исследованиями и изучением истории земли. История земли, граждане, это величественное явление! Ведь это миллионы и десятки миллионов лет, которые проходила наша земля еще до появления на ней человека... Столько изменений претерпела земная кора. Какие только чудования ты испытывал тем воздухом, которым теперь дышим мы. Какие причудливые растения украшали собой совершенно неприличные нашему взгляду виды. Но земная кора под влиянием подземной, вулканической деятельности трескалась, ломалась

Разложившийся Сестинус

— Да, ведь, что вам стоит?—медовым тоном прервал Френкель.—Вы всемирный ученый, вас все Европа знает! Ваши достижения! Ваши заслуги! Вы, наверное, всех камнетов по именностям знаете!

— Позвольте, почему же камнетов? Ну, хорошо, если вам нужно знать, что такое палеонтология, я вам объясню. Только лучше бы того... французским порядком... Ну, хорошо, хорошо! Прежде всего, уважаемые граждане,—старичок поднял ладеру,—палеонтология есть наука о растениях и животных, населявших землю в доисторические, так сказать, времена, в минувшие периоды жизни земли. С одной стороны, палеонтология примыкает к геологии—науке о происхождении горных пород, оставшихся земную кору, об их свойствах и изменениях, которыми они подлежат. С другой стороны, палеонтология близка зоологии и ботанике, так как обе эти науки посвящены тоже растениям и животным, только современным нам. Так, например,

и потребовала в своих недрах и животных и растения и меняла свой внешний облик до полной неузнаваемости...

Чтобы не путаться, следует помнить, что наука, занимающаяся изучением истории человека,—называется а р х е о л о г и я. Геология же и палеонтология изучают все, что касается истории земли до появления на ней человека, а это произошло больше чем пятнадцать тысяч лет тому назад... Ну-с, что еще вы хотите знать?

— Да, ведь, как сказать? Больше, пожалуй, и ничего. А? Васяка?—пористотило ткнул Френкель на спутника. Тот промолчал кто-то в ответ, тогда Френкель вскинул и так яростно затряс старичка за руку, что тот раскричал рот, собираясь звать на помощь...

— Ну, что же, найдешь ты мне человека?—спросил Френкель, когда они очутились на Пречистенке.—Только надежного, понимаешь? А то мой профессор, француз-то, уж очень о своем Альфроне горюет...

— А куда ехать?—спросил Васяка задумчиво.

— Да в Монголию же, Шур Иванов, в Монголию,—разве я тебе не говорил? И вот, исследовать всякую эту палеонтологию.

— Слушай, Френкель,—торжественно сказал Васяка, отставившись.—Если райком разрешит, то поезду и сам.

— Ты-м?...—растерянно гнанул Френкель.— Да ты разве годишься в техническое помощники?

— Разберусь, как-нибудь!

— Слушай! Васяка! Да ведь ты же организатор... активист!

— Между нами говорю, Френкель,—не могу и быть активистом... в этой обстановке. С удовольствием учить куда-нибудь... хоть к торту на пир.

— Знают, едем?

— Еду.

— Ну, так чорт же тебя дерь совсем!—в полновосторое воскликнул Френкель.—В таком случае и я с вами!

7. Первое знакомство

И они ввалились в номер профессора Дорье.

— Вот вам помощник!—закричал еще с порога Френкель.—Вуаля.

— Кеское ву парле француз?—спросил профессор.

— Нет!—ответил за Васюку Френкель.—Он по-французски не говорит, да это все равно, он потом научится, я буду за переводника. Я хоть и не говорю, да зато все понимаю. Ведь понимаете, я тоже решил с вами ехать. Да, да. Я тут махонький гонорар в одном журнале подцепил—за уральские очерки, так мне хватит. Такая компания будет, что дерьмо,—в восторге заорал Френкель. Такого динозавра раньше, не простого, а с кандидатом! Правильно, что ли, профессор? Же резон, не се па?

— Динозаврус,—обнаруживая великоплетые задние зубы, заулыбался профессор Дорье.— Ты-м-ри-ш! Вил да палеонтолог! Да здравствует палеонтология!

— Палеонтолог! Конечно, вил!—воскликнул Френкель.—Учись, Васенька! Э, да что там! Мы его самого лю-русски лучше, а немцы хвалят. Правильно то ли, профессор?

Профессор отступил на шаг назад, нахмурился, покраснел и внезапно выдал из себя:

— Прра-вил-на. Ка-то-ры тиасс?

— Да, что там, уж очень богат по-русски,—слабыми, Васяка,—образовался Френкель.—Ну, профессор, пока-о ревуар! Васые в райком, нужно за разрешением, а я за райком да юта-гани.—Лет по нашему списку... Айдя, Васяка! О ревуар, мусье профессор!

Так истрепетали в первый раз эти три совершенно разных человека, которым суждено было перенести совместно длительный путь далеко не обыкновенно приключений. Из них—профессор Дорье ехал с совершенно определенной научной целью; Васые Сестинусу нужно было взлестнуть на себя и на свою работу с с т о р о н ы; и только Френкель—воплне открыто и отдавая себе в этом отчет—ехал искать именно приключений.

(Продолжение следует)

1 Уж говорите по-французски!
2 Я прав, неправда ли?

БАЛАЛАЙКА

Б. КУЛАГИН рис. М. ХРАПКОВСКОГО

Фабрика кончила работать, в корпусах выключили свет, коридоры жутко чернели, должно-быть от этого свет вокруг замка казался особенно ярким. Рядом с доской для объявлений висела стенгазета, трое человек молча читали ее. Газета сияла красным, от того ли, что падал на нее свет заводской лампы под розовым бумажным абажуром или же чересчур много было в газете кармина. Бородастый, узкоплечий рабочий сидел на лавке, прислонившись к блестящей изразцовой стене, и надевал вместо фабричных кожаных сапог свои валенки.

— Трофимич,—сказал он, засовывая в голенища портянки,—пойдем, што ли?

— Постой,—отозвался кто-то из читающих.

— Чего стоять-то? За постой, чай, платят.

— А ну тебя к богородице, дай дочитую.

Переубавивший сунул сапоги в шкاف, запер замок и пошел к газете.

— Чего пишу-то, и охота тебе брехню читать?

Ему никто не ответил. Газета была повешена неудобно, и, чтобы присмотреться к строкам, приходилось нагибаться и приспираться головой кр до кругу. Вдруг резкий, колеблющийся хохот Трофима заставил всех вздрогнуть. Мишка Халов, комсомолец, дел биро дел вчети толкнул в бок своего приятеля Женьку.— До нас долетел чорт.

Казалось, что Трофимич услышал это, он отворился от газеты и, продолжая хохотать, обернулся к Халову.

— Мишенька! Да никак и тебя променяли?

— Не твоего ума дело,—угрюмо отозвался Халов, покусывая губы.—Ффу, как противно смеется, точно горло полощешь—раздражено подумал о Трофимиче.

— Не моего ума!—воскликнул Трофимич удивленно, выпучив глаза, похоже на шипки болтов, и тучка рыв в газету.

— А это вашего ума безобразничать, бесовы дети! А еще я да мы—со-ан-ат-ель-ные!

Рабочий, который от этого торопил Трофимича, тоже прочел заметку и, улыбаясь, сказал ребятам таким тоном, будто говорил—гуляете, ну и гуляйте на здорье!

— Худлиганите?

— Пошел к черту!

— А ты не больно чертхайся, ха-ха. Трофимыч, как Мишка балалайкой-то крестили, б-о-же мой, вот комедия!..

На хохот из фабзавкома вышел секретарь общезаводской ячейки—Васька Табачков. Он скупно посмотрел на газету, на Трофимыча и сказал Мишке.

— Чего же ты? Начинаем!

Женька нагнулся к газете, кажется не оторвешь его, а сам думает: «только не меня, Мишка пусть идет, мое дело сторонкой».

Посмотрел Халов на Ваську, удивился, какое холодное лицо может быть у парня. Вель вот с Мишкой пустяковое дело случилось, а вот на—Васька уж с виду не товарищ, а строгий, официальный приказ. Лицо его стын по секундам, походит оно на острый калун—с носа, с губ остро, а щеки утолщаются и переходят в тяжелый обух затылка.

— Женька! Ты что, особое приглашения ждешь? Пошли на заседание.

На Табачкове кожанка с талией, брюки в серых полосках на сухих ногах, кепка, все это сидит складно и чисто. Когда он сердито, отрыв дверь в завком, выжидательно останавливается в ее раме, куртка блестит.— Женька неохотно отрывается от газеты...

Проходит час, а, может быть, и больше, рабочие ушли, сторож уже проверил на дверях пломбы, теперь сидит около входа и жует усы. Сторожу скучно, вот кончится заседание комсомольское, уйдут все, зашуршат крысы, замечутся стаями и будет тишина от этого еще более тягостной. Мишка Халов и Евгений первыми выходят из комнаты завкома, выпуская через дверь голубую волну дыма, лица у обоих красные и взволнованные, они опять идут к газете и шарят по ней глазами.

— Сволочи!—проносится Мишка и слепо смотрит на заметку.
— Сволочи!—повторяет Евгений, страха уже нет, но все-таки осталось тяжелое чувство, вот ведь знал, что ничего серьезного бюро не сделает, ну, в крайнем случае выговор, а все чего-то пугался.

— Я дело не оставляю так,—оживляясь, говорит Мишка грудным голосом, дрожащим и ломающимся.

— Будь я гад, если их не изувечу, мать его бог любил. Мы не виноваты, это они.

— Они,—повторяет Женька, думая о чем-то другом.

II

В общем дело было пустяковое. И случилось-то оно в ночь с субботы на воскресенье, в самую такую желанную, хорошую ночь, когда знаешь, что завтра на работу не итти и чувствуешь у себя в левом грудном кармане бумажник с монетой.

Женька и Халов жили на окраине города, от трамвая 10 минут ходьбы, жили в комнате с голубыми обоями, обрыганными сухой кровью клопов. В получку Женька сказал:

— Ну-ка, Миша, насчет грешного?

— Можно насчет грешного,—ответил Миша,—ко мне кстати ребятишки придут.

И вот уже поздно, в комнате быть надоело, бутылки стояли порожними, и ребята заметно повеселели, тогда Халов предложил.

— Ребята, кончай и амба! Пойдем мы к соседям на вечерку. На вечерке девчата будут и прочее. Ну, пошли?!

Скрипящая, морозная ночь. Синий снег лежит под легким сверкающим небом, небо, как расписанный шар, сорвется сейчас и улетит,—вот до чего весело и легко ребятам. Внутри тепло, в железках паровые котлы, монумент на последней черте, но тепло, в самый раз, и когда мороз покусывает щеки, то это даже приятно.

Халов шел, обвивая за шею своего тезку—Мишку Иполитова, было Халову необъяснимо радостно, казался ему тезка луч-

шим товарищем и все остальные славными. Было приятно на сердце от того, что вот он, Мишка Халов, теперь человеком стал, он в бюро цех'ячейки, на днях передают его в партию, имеет Мишка авторитет, и все это очень хорошо. Было радостно Мишке и от вина и от того, что жизнь вообще хорошая штука, потом подумал, какой он на року красивый, лицо чистое, без угрей, мысль переполняла дальше: «наверно на вечерке Настя будет. Ах, Настенька, черные глаза на белом

Лежит, избитый ослепший человек...

лице, красный бы платок на голову! Была бы девочка в самый раз. Да и так хороша Настя,—так вот и расцелую при еси, до чего хороша...

Но случилось неожиданное и нехорошее, все равно как если бы пришли вы на интересный спектакль и оказалось, что он не состоится.

Маленький домик, где была вечерка, жадно впился в снег и светил всеми своими окнами.

Мишка постучал сапогом в дверь, вышел кто-то в рубашке, без пальто, посмотрел на Халова, точно на пустое место, и ушел. Мишка постучал второй раз, в домике запылакала «зирпичиками» гармонь, но никто не выходил. Кроме Мишки и Женьки, пришли трое ребят, а окон в домике было всего три. Пока Мишка стоял у двери, каждый застал по ослу и сыстрел, какое там идет веселье. Вздвешенный Халов отошел от двери, отованив плечом Женьку и постучал в стекло. Через занавеску выглянуло смешливое лицо Насти и скрылось. Может быть мешал Женька, но ударила Мишка еще в стекло, и летящий ударила, вдруг развалилось оно, догнуло, прорвалось, как промасленная бумага.

Выбежала вечерка, накинута на ребят, увернулись ребята, дали сдачи, завертелся на снегу черный лохматый клубок, хрипело и материлось внутри его. И вот победили уже наши, распадались неадекватные, распаренные огорожники и уже шли к крыльцу, ступая по снегу тяжело, точно водолазы, но вдруг появились тонкошпиль, желтый, в кожаной куртке. Он стоял на верхней ступеньке и держал над головой балаалайку, крепко сжав ее горло. Сунулся под него Мишка, обрушилась балаалайка ему на голову, сел Халов на снег, сидел и слышал тающий стон струны. Перед Мишкой ноги, длинные, не сгибающиеся ноги, кажется, что подируют они собой крылечко, и не успел Мишка даже подумать о них, как лежали ребята избитые, расстрепанные, жалкие, а Халова будто кто-то взял за уши и поволок по снегу,—ох как ноют на морозе уши.

Вот и все...

Секретарь ячейки Васька Табачков, собравшись лечь спать, пошел в кухню набрать в стакан воды. Кран был занят—умывалась Женька, широко расставив ноги, точно боялся утратить Васька смотрел на эти ноги и дунал о кипельке, которую он только что читал. Женька повернул к секретарю свое лицо, с головы стекала вода, лицо было красное и изматое, левой рукой Женька прикрывал нос, в правой держал мыло. И опять ничего не заметил Табачков, нацелил воду, выругал про себя дежурного за грязный умывальник и вдруг увидел на дне раковины зуб, голубой зуб с остатками розового мяса, обмытого водой.

Тогда понял Васька, ушел к себе в комнату, в блок-ноте на завтрашний день написал памфлет, помыл—не много ли будет вопросов, перенес на следующее заседание и стал раздвигаться...

Сегодня Мишке и Женьке на бюро ячейки дали выговор.

III

Все бы Мишка простил, все бы забыл, прошло бы время, стал бы Халов кандидатом партии, сказал бы тогда Халов, какой же я тогда мальчишка хулиганский был... Все бы простил Мишка теперь, но... балаалайка, ее не забудешь! Разве можно человека по башке балаалайкой лупить... кажется, топором бы ударили и то лучше было.

В понедельник на политкружке Мишка тихо сказал своему приятелю:

— Помнишь ли ты, Женька, как меня балаалайкой тот ударило?

— Помню,—сказал Женька.

— Я знаю этого гада!—медленно, со страшной злобой выговорил Мишка,—этот паразит—контрордик со склада, и я с ним еще поиграю на балаалайке.

— Помилуй!—уже после кружка говорил горячим шопотом Мишка, обводя глазами зал клуба, чернорый рожок громкоговорителя, шахматные столики и потолок.

— Помилуй! мы сегодня около трамвая... никто не увидит, не услышит... Идет?

— А ты чем?—затаивая дыхание и чувствуя, как начинает колотиться сердце, спросил Женька.

— Вот куда, чем, нарешной болт и только... Мы маленько... поучим... Идет?!

Ядовитые морозы были в этот день, ядовитые, как медный купорос, жгучие, как серная кислота; мороз рвал тело острее плоскозубиев, казалось, высушить нос и не останется его.

От снега шел белый туман, казалось, что это растет снег, закрывает трамвайные дуги толит одностажные дома, заваливает землю неведомыми сугробами.

Три трамвая уже пришли на конечную станцию с тех пор, как Мишка и Женька стояли на дежурстве по бокам дорожки, протанной седи сугробов. Через подошвы сапог тек холод, казалось, что подошв нет и голые пятки примерзают к снегу.

И вот четвертый вагон свернул через белую пелену мадиновым глазом, и слышно было, как от холода под ним визжали колеса.

— Амба!—сказал Мишка,—или сейчас, или никогда. Он должен быть!

И он пришел. Кожаная куртка и тонкие ноги, тонкие, как части машины, окунаясь в темный, дымный туман и закрипели по дорожке.

Тонкие ноги—вот это увидел Мишка и выгнливо окинул все—и козылку, и густую шерсть шарфа, и кепку, надвинутую на глаза.

— «Он!»—мелькнуло у Мишки, и на сердце стало тепло.

«Он... если сейчас свистну, не оглянется—беспреречно он». Контрордик не оглянулся, хотя Мишка ласково, точно собаке, свистнул несколько раз. Сади возрастал скрип еще чых-то шагов. Халов оглянулся, от трамвая шло черное расплывчатое пятно, туман с'едал очертания.

«Помешают!»,—подумал Мишка.—«Помешают, а этот уйдет, как пить дать, уйдет,—надо на повороте».

Женька струсил, обернулся к трамваю и встал так, склонив голову, точно увидел в снегу растущую траву. Не протиснул на это имяшка Мишка, не может он удержать ног, вот уже из-за шкользкая спина контрордика, шкользкая такая же, как тело налимка, когда он только-что из воды, вот—руку на плечо кожани положить можно.

В ладони у Мишки нарешной болт о двух шляпках, зако-стенеши у Мишки пальцы, как у мертвца, не разжать их.

И вот уже качнулась ножиная спина, потускнела, и болт не нужен и лежит где-то в снегу, а пальцы разогнулись и теплеют: наливаются жар в пальцы, когда бьешь кулаком по лицу.

— Сыграли на балаалайке!—диго и глухо кричит Мишка,—сыграли, га!...

Ползет через белый рыхлый туман пятно, с'едает туман очертания, может быть, человек, а кто же здесь может быть, кроме человека, но ссоривается пятно вправо и не знает, что где-то рядом лежит оглушенный, избитый человек, и хрип и пар из его рта не слышны и не заметны.

IV

Халов и Женька сидят в правом углу сцены, недалеко от президиума, Женька сгорбил и все старается уйти от наших глаз за пыльный кровянистого цвета занавес; Халов сидит, мучительно вытянувшись, зажав между коленями руки, глаза хотят сосредоточиться на плакате Авианхима, но всякий раз срываются и падают на президиум.

Хочет Халов сказать так: «родные братьцы, ведь я это так, бедняк, я не хотел... и в мыслях не было». Чувствует Халов, что балаалайка, это ничтожество, тупое по мизерности дело, ненужное, лишнее. И хочет сказать все это Халов Михаил, хочет, но не может.

Смотрит он на президиум сырым растерянным взглядом, кажется, вот-вот заплачет и с жалостью про себя: «какой же он—Халов, хулиган, если он раскисивается?»

Собрание идет вместо Табачкова агитпроп Митька Губер, черноволосый, белый парен.

— У кого какие предложения?—говорит он и сканивает в сторону Халова глаза.

Молчание ложится на зал, такое густое и неподвижное молчание кажется, что оно—на все время, и только через минуту кто робко, испугавшись собственного голоса, спрашивает:

— Какое мнение бюро?

И уже несколько ребят обродованно, во все глотки требуют, точно хотят узнать мунившую их тайну:

— Мнение бюро?!

Губер наклоняется над столом, перебирает зачем-то быстрыми своими пальцами бумаги. Наступает тишина, странная, как направленное жерло орудия, и тогда Губер говорит:

— Исключить.

— Правильно!—кричим мы и пристально смотрим в победившее лицо Михаила Халова.

Я забыл сказать о Ваське Табачкове. Его подобрал милиционер, возвращавшийся с поста, и притащил в больницу. Васька был долгое время без памяти, теперь он лежит забинтованный в марлю, кажется, что у него ампутируют два пальца на руке, ушибы—пустышки, но морозы в эти дни ядовитые, как медный купорос.

СТРЕЛКОВЫЙ КОНКУРС МОЛОДЕЖИ

«Смена» организует Всесоюзный конкурс молодежи на лучшего стрелка.

Организацию конкурса, как бесспорно хорошее начинание, можно только приветствовать. Подробности этого конкурса мне еще неизвестны, говорить о всем его значении не представляется возможным, почему позволяю себе отметить только две стороны, которые бесспорно имеются в этом деле.

Первая сторона дела относится к методу, каким комсомол двигает стрелково-спортивное дело. Ни циркуляров, ни наставлений, ни указаний, словом—никакой руководящей бумаги, а сразу, назовем, показательный урок в виде конкурса с указанием через свою прессу тех требований, каким должен удовлетворять лучший стрелок. Дело стрелков—показать свое лицо.

А чтобы показать лицо, придется над собой поработать и поработать хорошенько, что называется, в поте лица. Таким образом, в организации конкурса осуществлены все основные двигательные моменты в деле стрелкового спорта: агитация, пропаганда, задача стрелкового спорта, требования, предъявляемые к спортивному стрелку.

Теперь вторая сторона дела—кого конкурсе выявлять? По замыслу организаторов—сильнейший кружок и лучшего стрелка. Выявление только лучшего стрелка, конечно, сократило бы размах конкурса.

Лучшие стрелки уже выявлены рядом состязаний, которые вот уже два года мы проводим, и будем проводить дальше. К слову сказать, наступающим летом таких состязаний среди лучших стрелков намечено, примерно, четыре.

Выявить лицо наших стрелковых коллективов—это задача, которая вполне правильно разрешается настоящим конкурсом.

До сих пор за это дело никто не принимался, главным образом, потому, что это было просто несвоевременно—не было и самих коллективов. Но сегодня эти коллективы уже имеются.

Нам интересно лицо не только лучшего стрелка, а лицо и лучшего стрелкового коллектива. В этом наша сила и мощь обороны.

С. Кашин

МОЛОДЕЖЬ! ГОТОВЬСЯ К КОНКУРСУ

В следующем номере подробная программа состязаний и получения призов

Н. СЕМАШКО

Ц А Р И —

(выдержки из речи в

До сего времени видная группа историков отрицает существование дома Романовых. После Екатерины II, утверждает эта группа, мы имеем дом не Романовых, а Салтыковых, и это утверждение имеет основание. Муж Екатерины II—Петр III-й страдал глубоким идиотизмом так что Елизавета приставила к нему гувернера и дала инструкцию, в которой было оговорено, чтобы он прилично держал себя за столом, не говорил неприличных слов и т. д. Этот глубокий деградат, глубокий идиот—Петр III, не обладал и способностью воспроизведения потомства. Между тем, вопрос о потомстве в династии Романовых имел большое значение, и эту роль с честью выполнил Сергей Салтыков.

Таким образом, историки утверждают, что мы имеем дело не с Павлом Петровичем Романовым, а с Павлом Сергеевичем Салтыковым.

Но не это имеет решающее значение. Важно то, что этот дом «Романовых» обладал глубокими психопатическими особенностями, передававшимися из поколения в поколение.

Психопатическое состояние—это суть те состояния, которые находятся на границе между нормальным состоянием человека и тем состоянием, которое превращается в ясно выраженное психическое заболевание.

Вот, что пишет И. Висслевский в книге: «Романовы».

«Уже в детстве характер Николая Павловича кажется совершенно определенным. Маленький великий князь изумляет всех

«исключительной грубостью», какую он проявляет не только в отношении к приближенным и прислуге, но даже к братьям и сестре. Учился мальчишкой Николай ничему не хочет. Он обожает только военную службу, фронт и шашки. Николай Палкин умудряется сохранить на всю жизнь исключительное умение писать сгруппированные орфографические ошибки.

С ранних детских лет и до смерти любимым музыкальным инструментом этого человека—барабан. На барабане он играет, как артист. В дальнейшем мы встретим еще одного музыканта на русском престоле. Это Александр III. Он играет на трамбоне. Иных инструментов Романовы так и не заметили».

Характерно, что Александр II, тот самый, который всю свою жизнь говорил, убеждал, что он служит для блага народа, что этот Александр II в 14-летнем возрасте, посетив впервые деревню вынес, такое царственное впечатление: «владеть эти жилища ленивы и не бережливы». Вот как сложившись юнша 14 лет характеризовал источник бедности народных масс.

Какие же психопатологические черты, характерно, наиболее ярко выразились в этой династии? Типы, обладающие такими чертами, психиатрами называются эпилептоидными типами. Эпилептоидный тип, по характеристике проф. Гаушкиса, характеризуется следующими 3 основными чертами: 1) крайняя раздражительность, доходящая порою до ярости; 2) приступами расстройства настроения духа: тоска, гнев, страх; 3) определенно выраженными моральными дефектами.

Известно, что наиболее выраженным типом из династии Романовых эпилептоидной конституции был Петр I, который страдал совершенно определенными эпилептическими припадками. Как пример эпилептоидного типа, можно привести Николая I, который со стороны жестокости был ясно выраженный эпилептоидный тип. Со стороны моральной—он был развратный человек.

«Всем известно,—говорит Н. А. Добролюбов,—что нет и не было придворе ни одной фрейлины, которая не была бы взята ко двору без покушения на ее любовь со стороны или самого государя, или кого-нибудь из его августейшего семейства».

«Обыкновенный порядок,—рассказывает далее Н. А. Добролюбов,—был такой: брали девушку знатной фамилии в фрейлины, употребляли ее для услуг благочестивейшего самодержавнейшего императора, а затем императрица Александра начинала сватать обесчещенную девушку за кого-нибудь из придворных женихов».

Николай I во второй половине своего царствования стал чувствовать усталость, плохое настроение духа, следствием чего и явилось отравление Николая I, как подтверждают это косвенные доказательства. Историк Штакельберг и многие другие историки утверждают, что Николай I покончил жизнь самоубийством: отравление на почве ипохондрии. Николай I считали, что он отличался смелостью и храбростью, но оказалось, что это чрезвычайно спорно и с доверием относиться к этим утверждениям невозможно. Покровский пишет в своей истории следующее:

«В детстве Николая долго не могли приучить к стрельбе: он так боялся пушек, что при одном посещении Гатчины он не решился подойти к крепости, увидев страшные для него орудия, торчавшие из амбразур. И эта черта не прошла с детством. Если бы 14 декабря около Зимнего дворца нашелся хладнокровный наблюдатель, его поразило бы поведение государя, судьба которого реласал в эту минуту; с беспомощным видом расхаживал он по площади и, вместо того, чтобы распоряжаться, растерянно обнимал и целовал подошедших к нему офицеров. Только подходящие его приближенных заставляли выехать его на Сенатскую площадь, где, бледный, как мертвец, он оставался опять-таки пассивным зрителем пролетающего покла, машинально повиновался совету Толя (или Васильчикова), он не пустил в ход картечь. Декабристов приводили к нему на допрос со связанными руками,—хотя предварительно они бывали тщательно обысканы, разумеется».

ВЫРОДКИ

Рис. К. РОТОВА

Большом театре 21 февраля)

Несколько в стороне, хотя и близко к этим типам, эпилептиком стоит Александр III. Что он страдает ясно выраженной манерой преследования и боязнью пространства—это совершенно очевидно. Тотчас же по взошедши на престол, он заперся в Гатчине, окружил себя телохранителями, при чем к охранителям предъявлялись такие требования, как, напр., чтобы ударом кулака убить сразу чело-

и еще останавливаясь на некоторых женских персонажах, которые были в этой династии. Для них, по крайней мере для большинства, было характерно необычайное пристрастие к половым приключениям. Представительницей такой психиатрии была Екатерина II.

Я очень извинюсь за довольно длинный отрывок из Василевского, но отличающийся особенной благозвучностью:

«Екатерине сорок восемь лет, но она «еще молода».

Во время отсутствия Потемкина, Панин умудрился было продвинуть в спальню императрицы своего кандидата, бывшего суфлера Завадовского.

Завадовский успел наполучать не только бесконечное число подарков, чинов и орденов, но и приобрести кое-какое влияние, и бесспорный Потемкин мнитя в Петербург, размышляет рослого красавца, какого-то серба Зорича, недвигает все плечушки, исползует все пути, и вот уже Завадовский в отставке. На его месте протже Потемкина—Зорич.

Но, дикарь по манерам, великан Зорич оказывается самолюбив... Он желал бы быть князем, как Орлов и Потемкин.

Этого достаточно, чтобы Потемкин сразу же принял меры к удалению этого беспокойного человека.

На прощанье Зорич, успевший получить чин генерал-майора, огромное именованье близ Витебска, еще именованье Шкловское с шестидеятью тысячами крепостных, огромный дом близ Зимнего дворца, триста тысяч наличными и т. д. и т. д. получает серию особых подарков, «в знак памяти». Среди них алмазная табакерка и золотой пояс. Пояс имеет один фунт веса и украшен всего на всего 1.875 бриллиантами.

века. Тот же Александр III никогда не принимал лицу без того, чтобы се предварительно не поприбавила его жена. Василевский метко писал об Александре III: Александр III, как человек, возбуждал жалость. Выражение его лица всегда унылое, тупое и равнодушное. Что-то сонное и усталое, как будто этого гиганта только что подняли с постели и он не успел протереть себе глаза. Этот человек по сложеню настоящий мясник, сильный и мускулистый до того, что в молодости сгибал подковы, недаром заслужил кличку «быка», как его называли в детстве отец, или «мешка», как его называли в юности,—клички, в дальнейшей волюне закономерно перешедшие в еще более выразительные: «Топтыгин» и «Бегемот».

Характер Александра III угрюмый и тягостный. Современники почтительно говорят о том, что «с годами в его характере все ярче проявляется резкость, зачастую переходящая в какие-то особые и часто беспричинные припадки ярости».

У Александра III любимыми занятиями были: водка, лошади и парад.

Вот несколько типов из этой общей группы эпилептиков.

ДЕВУШКА И СКУКА

ИЛЬЯ ЛИН (из записной книжки)

— Вы что ж это, милый, не зайдите к нам? На гитаре хоть поиграли бы!

Старая, исполованная морщинами работница Анна Феоктистова с ведами в руках у ворот беседует с Петью Zubковым.

У Анны Феоктистовны две дочери—обе работают на фабрике. Нюрка—девушка в летах, засиделась. Ей уже за 24.—таков вывод всех сослос,—раз сама Нюрка говорит, что ей 22.

Остроной, болтливой Ташке—18. Обе—получку свою отдают целиком домой. Расчетная книжка всегда под контролем матери.

В отличие от них, брат их Митька, столяр-ящичник, из получки отдает только две третьих. Остальное он отсчитывает.

У Нюрки и Ташки, дома, в общем комод в свой ящик. В ящике девочки принадлежности, —платье висит на стене, тщательно обернутое простынкой.

У Нюрки к Ташке нет сестрино искреннего чувства, и наоборот.

И делится Ташка не с Нюркою, а со своей «задушевной подругой». Этой подруге, соседке, она показывает полученное сегодня по почте, из пограничного города, фотографию в пятиконечной звездке.—Ванюшка Пальцев. Он, променяв прочим, пишет, что здесь время проводит скучно, потому что даже нет такого кино, как «Свет и Тени».

После того, как письмо прочтено, «задушевная подруга», будьте уверены, расскажет своей, другой «задушевной» подруге, та другой, и в результате все будут знать Ванюшину письмо «по секрету»...

Нюрка ставит на комод керосиновую лампу, заливается и идет к своей подруге, рядом через дом,—там по-соседству живет гармонист, по прозвищу «Вихрич»,—он не интересен Нюрке, но гармонь и «Шахта № 3»—это совсем иное.

А Ташка с «задушевной» идет в клуб. У них аккуратно подобранные платки и модельные носы.

Пате косится на пудру, как на личный расход. Но Ташка доказывает, что

соседкина Тонька даже сумку купила у китаятки за 3 р. 50 к., и почему ей не купить пудры, тем более—по мелкозачетному кредиту дала.

В клубе Ташке скучно. Она, стыдливо оглядываясь, измеряет критически всю публику.

В разговоре—нарады своих подруг, обнуление шерстной шапочкой или сумкой. Эти вещи уже выходят за пределы обычного в поселке явления.

Затем идут по комнатам, открывают двери в хоровой драмкружок, на физкультуру посмотрят и... в кассу за билетом. Сегодня Игорь Ильинский—«Когда пробуждаются мертвые». Игорь Ильинский у девушек популярен.

И еще популярна Мари Пифорда, потому что она «всегда любит!»

Любовь— вот тема, волнующая девушку.

Ташка говорит агитпропу ячешки: — Ты вот говоришь нам на собрании, что души нет и все от организма зависит. Ну, а любовь есть?

Агитпроп мнется...

А ты отвечаю, есть она, любовь? Не может же быть так, что кто-то встретит, того полнубишь? Значит, есть любовь, а где она, любовь,— в душе, а ты вот говоришь— души нет.

У нас вопросы, близкие особым запросам девушек, отсутствуют в клубе.

Возьмем их отношение к литературе. Все девушки считают, что старые писатели писали лучше, полах—и е ж и е е, как говорят они, особенно насчет любви. Все конечно же к р а с и в о.

Я недавно видел картину «Поведение человека с пояснительной лекцией, и мне кажется, что такие картины, такие лекции могли бы дать ответ на волнующие девушек вопросы.

Девушка в массе своей идет к новому медленней, потому что она все в лапах быта, быт скорее политики.

Девушка берет от города чаще самое худшее; она берет моду, красоту, подра-

жание мешанству, в то время как парень города берет не только «поверхностную» культуру, но и достижения, книгу, жажду знать.

Наши формы обслуживания массы девушек слишком примитивны, неприспособлены к войне с мешанством, прелезающим в душу девушек.

Мало кто из девушек «рядовичко» находит себе полное удовлетворение в общественной работе. Даже, если она работает в клубе, участвует в кружке. У нее есть часто нечто такое «скрытое»...

Девушка в массе и д е а л и з и р у е т любовь и чувства. И на литературу, и на кино, и на театр она смотрит больше в разрезе этойкой жизни, чем в разрезе социальном. Ибо жизнь, несомненно, у девушек е л о ж и е с, чем у парня. На нее ложится значительная часть т р е с т е й б у д н е я: и стирка и кухня,— в то время как парень от этого свободен—наколет дрова и то спасибо.

Так вот после бузвы, после прозы, ей хочется чего-то возвышенного, более поэтического.

Вот она едет в центр, в кино. В городском кино можно на людях посмотреть. Все, что обгнано мешанством, кажется ей именно тем, о чем она читала в красиво описанных книгах,—в старых книгах.

Из этих старых х героев этих кино она ненавидит графов, барчуков—они ей социально, противны; но не ж и о с т ь и д е а л и з м, который сквозит во всех этих книгах, ей мила, потому что с к у ч н о е й, потому что, будучи даже общественной, на ней все же лежит печать особой девичьей стыдливости, робости, неверия в свои силы.

Ей скучно, а мы слишком заняты, чтобы приглядеться к некоторым мелким, но занимающим солидное место в бюджете настроений девушкам вопросам.

Скучно!

Все ли девушки таковы?

Об этом в следующий раз.

„ЗВЕЗДНЫЙ ПРОБЕГ“

(Оккачиана)

Н. БОГДАНОВ. Рисунок К. КУЗНЕЦОВА

Городок, осажденный кулакскими бандами, отрезан от всего мира. Вокруг—трудно проходимые леса. С центром поровна всякая сельская и неизвестно уступая ли равнине. Комсомольцы городка живут в тесной семье, но и к ним подкрадывается сомнение. Надо пробраться к ближайшей железнодорожной станции. После первой и второй безуспешной попытки комсомолец Зобинин—выдается пропуск лесу комсомолец Павла. До этого он—кварт оплывавшая восточная и намокшая робота—мечтает о поезде. Он уходит на лесах, определяя путь по звездам. Миско испытаний и связанных было в этом пути...

... Только что слышит от проследованной врозьбодно-настроениях мужиков, он снова подпадает, и на этот раз, кажется, в безысходное положение. Но тут встреча с девушкой...

15. Зеленые глаза

Павел бежал и размахнулся и тяжело, спускаясь в овраг, выскочил, озирается, перекопал зеленые мятельно лесные дороги. Несколько раз он слышал голоса, но облева кружилась зря, лопал везд в стуборах и, благодари черашней мятель, Павел проскользнул неуловимый и быстрый.

Долго шел Павел по солнцу, по мху на деревьях, направлял свой путь. Облева его большое

не смущало, он усаживался на пенечки, развешивал план и гадал по нему, где он теперь находится. Случайно на карте попалось село Перелески, при котором спросил кулака: Наверное это и были Перелески. Если так, то проложены три четверти пути. Ободренный, Павел зашагал с новой силой.

Лес после мятель изменился, он не давил на сучья гнелыми пластинами, а висел пушистый, красивой бахромой. Ставля деревья обгнула мятель белесой нежной шапкой. В лесу была

пустота и тишина. Не тенькали синицы, не влетали тетерева. Павел скользил и скользил. Лыжи шли хорошо, иногда пробивали волны снега, закруженные мятелью и тонкие гребешки. К концу дня Павел почувствовал голод, но в своей досаде, увидел, что весь провиант и съестная миса, оставлены им у гостеприимных хозяев. Павел всталнул и продолжил путь.

День утасал. За непроходимыми лесами закатилось солнце и снега стало лиловеть. Павел ловился сам, старался не думать о еде и перд

ним побеждали мечты о тихом городишке на горе, о замечательной комсомольской берлоге... Он замечтался, а ноги его скользили по мягкому тихому снегу.

Вдруг что-то протяжно ухнуло, снег под ним осел, одна лыжа вырнула кула-то вниз, и Павел дрыкнул в образовавшуюся яму. Послышалась бульканье, ноги его погрузились, не встречая дна, и обожгли и стискивая грудь, к Павлу подступила вода. Он рванулся, но в другой стороне встретил тот же хрупкий обледенелый снежный край. Павел отплынул и увидел себя в глубокой снежной дыре, которая, как труба, сколила в замерзнувшей ручей. Матьери затрянула яму сверху и подставила Павлу лопушку. Ноги его напущали дно и он встал по шею в ледяной воде.

После нескольких неудачных попыток выбрать он остался так стоять и ждать. Что? Медленной смерти? Спасения? Да, спасения! Разве не надеется человек даже в самые безнадежные минуты? Павел стоял, не шевелясь, а бегущий мимо него певучей воле и напряженно вглядывался в отражение своего лица. Лицо было не прежнее, бесформенное и одутловатое; а как-то новое, худощавое, продолговатое, яркое лицо. Павел удивился себе и вдруг... увидел рядом с своим отражением чье-то и незнакомое другое. Это другое было женское — с большими глазами, с локонами извивающихся волос. Не веря глазам, Павел поднял голову, на него глядела девушка, ее коса свисала над ним, как в сказке. С невероятным усилием воды, заставив разогнуться затекшие члены, Павел уцепился за огромный поплавок девушки корявый сук и вылез.

Несколько минут оба разглядывали друг друга, она—этого великана с красивым обветренным лицом, он—крепкую коренастую девушку

в меховом дубленом полушубке. На руках у нее были смехные пестрые варежки; она стояла на лыжах.

— Божки!—сказала девушка.—Зд зеленеешь. Павел взглянул ей в глаза,—они были темно-темно зеленые.

— Божки! И они побежали. Павлу было противно бекать в мокром, он залпелся и падал, но все-таки поспевал за ней.

16. Вторая Надя

— Скоро?

— Верста!

И опять поднимается Павел, грохочет замерзшая одежда, трет ноги, причина страшной боль.

— Скоро?

— Верста!

Снова вынуждены лыжи Павла, они путаются, наезжают одна на другую, в глазах у него перелетают длинные синие тетерева.

— Скоро?

— Слушай!

— Что это?

— Гудит поезд.

И Павел услышал рев и рокот железа о железу, неслаженный им никогда. Здесь, близко та несведомая, та нная скрытая лесами жизнь. И он отсиживает зубы и бежит.

Вот опушка, вот перед ними скат ровный и отлогий и там, — Павел глянул и замер в восторге.

Под бургом стояли и качались несколько ослепительных белых дун. Они освещали длинные реальные пути, башенки водокачек, массивные здания депо. Мимо них с грохотом и шипом

двигались чугунные громадины паровозов, лягало железо колес, рессоры перезащивались ладони вагонов.

Шум и свистение наполняли округу.

— Вот она, невдавшая жизнь, скрытая ласками! — Павел понесся по бурту, деля огромные раскаты.

Дальше перед Павлом все пошло в каком-то тумане. В залптом электрическим светом помещения перед ним кружились колесиких неизвестных удивленных лиц. Кто-то обнимал его, какие-то ребята в кожаных куртках с особым острым запахом тискали его, жали руки, тормошили, и жлопали по шее.

— Да, ведь, это богатырь лесной, и где ты его достала, Надя?

— Ха, ха,—звенела голос Нади.—Я уж достала, не при я бржжу по всем буркам, и сумч сидел мой богатырь. Сначала лыжный след заметала, ни у кого из нас таких лыж нет... пошла по следам и нашла.

Затем рассказывал сам Павел много и горячо. Снимал шапку, выдирав простреленный паке, в который замесла мартерь пук его волос. Кто-то читал, расспрашивал о городке, о хлебе, об его замечательном пробете. Ему сказали, что куда-то звонят, дают депешу и что где-то есть специальный лыжный отряд из курсантов. Затем Надя вывела его на морозный воздух, они кула-то плы, а по рельсам громахали поезда. Надя указывала на них и говорила: это на Колчак, это на Деникина, кругом, брат, ух, что делается. Немудрено, что выгу гуль забывают! Это последнее, что было ясно и наизу, затем наступил бред.

Он лежал. Он видел свое обожженное тело и вазволивающее лицо девушки, сложенное над ним, ее ловкая рука растягивала его чем-то гори-

Он убил лесную птичку... и, разведя костер, жарил ее на огне

чим и жгучим, ему становилось приятно и стыдно и вдруг на него навалились сотни горячих ледяных краев и нечем было дышать.

Он бился, разорвавшись ил и опять видел девушку зеленоглазую, прекращающую.

— Ты мой богатырь, я тебя люблю, ты не заболел, ты остался! — Щелчет девушка, и необыкновенные ее слова будоражат Павла, мысль его бьется, кажется сбросить бред и ощутить все напугу!

Но опять что-то наваливается черный и тяжелый... Павел теряет сознание.

Большо утро, когда к Павлу вернулась жизнь. Он увидел себя в желтой куртке, на стенах которой висели плакаты, рядом с вышитым позитивом и зеркалом.

Он лежал и наслаждался покоем и тишиной. Павел думал, что пришла целая весна — прошла одна ночь. Девушка сидела, светлая и хорошая, в ее глазах горел солнечный луч. Они говорили долго и много. Павел узнал, что она — комсомолка — представительница лыжного кружка и еще что-то узнал он и том, что вчера, когда пришла она напоить его чаем, он свалился с температурой 41°.

— Значит, мы подем вместе? — спрашивает Павел.

— Вместе...

— Знаешь, городок наш интересный, такой древний, кругом валяю и леса, леса... У нас под рекой подземный ход... у нас есть комсомольское логово, там хорошие звериные шкуры...

— А ты на роле играешь? — вдруг спрашивает Павел.

— Играю.

— Хорошо, — представляется Павлу, как является он вместе с городком, как восстанавливается берлога и все слушают и не насчитывают его, его рассказы, а новая расулкает книги, играет на рояле. И вспоминает Павел обещание той прекрасной Нины, ставшей в берлогу работницей, вспомнил, как сидела она, прильнувшись к Сашкиному плечу...

Да, теперь ему нужно скорее вернуться.

17. Обида

Крепкий сон съел Павла до следующего дня; когда он проснулся, день склонился к вечеру и в окне мерцала близкая звезда. Павел вскочил, оделся и с вихрем из нагоя пошел, что здоров и силен, как никогда.

На пороге он столкнулся с доктором; его сопровождал один из вечерних парней в кожаной куртке.

— Это и есть больной? Зачем вы встали. Я вчера нашел у вас начинающуюся горячку... Я выпался и все прошло... улабулды Павел.

— Это дыряк, это феномен какой-то... вчера у него горячка, а нынче здоров... возмущался доктор, протирал очки и размахивал градусником.

— Подем от греха, братишка! — сказал сопровождающий доктора парень, — а то и впрямь захвораете, и омиг, сонес, вышлн на волю.

Сумерки только что наступили, а огромные спяточные осында дель пестрели электрическим светом; так слышалась какой-то шум, что-то вышло, гудело и клубы багрового дыма поднимались над крышами дома.

— Работает, — сказал парень, — кругом грозу, паровая срочн ремонтнруем.

Но бесноватые раздалась путаям разлуке: тяжелые паровы, кукушки, маневривая, кукушки, переваливаясь, бубрами, звонко катились туда и сюда поезда, а на телушках пламени надписи: Доблем Ковалев, Смерть шкурникам и дезертирам. Смерть врагам революции. «Все на борьбу».

— А как помочь, горючку? — спросил Павел.

— Курсыны едут, вечерком будут, ох, брат, и ребята делные, все зано и вышншо на банноты ходит и пугаетт за собой на лыжах взлет.

Парень пришел Павла в клуб.

В клубе играла роуля, где-то шумели, а кто на искал Надю и не находил. В сердце его закрывалась тревога, сбросить о ней он все не решался. Наконец, у того же парня в кожаной куртке он спросил.

— Надя? Вот чудак, да она теперь верст посылоти отсюда, она в городок на лыжах ушла! Не одна, с нею двое наших из лыжного кружка... с утра ушли.

Павел стоил как ошлунивший громом, все его мечты пропадали. Ведь он должен был привести Надю, он, а она ушла сама... в глазах у него поплыли круги, все закружилось, но вдруг он встрепенулся и пожелал править тон.

— Догони! — решил Павел и покаялся в себе свои белять и бегать, не переставая, пока не достигнет ушающую Надю.

— Где мои лыжи?

— Зачем они тебе?

— Ты лыжи мои подай! — рявкнул он на перепуганного парня.

В ночь, как безумный, от электрических свет станций, от шума и грохота дено, от рева паровозов и шумов по тундрому утконому трюму парням лыж салду в снежные леса.

А в это время с пришедшего поезда выгружался отряд курсантов-лыжников.

Павел бегал, как одержимый, не зная усталости. По утончанному салду он надеялся догнать ушедших.

Прошла ночь, наступил день, он все бегал, он не чуял ни рук, ни ног, ни своего тела. К вечеру следующего дня он упал и долго лежал в снегу. Когда омыгивалось, то решил, что нужно отдохнуть и поест. Но что? — ни провизии, ни зазерны с ним не было, тогда он убил лесную птичку, которую не стеснулся съесть, и развел костер, жарил ее на огне и грыз как дыряк.

С немыворными лишешнями на третий дель поустовалось, что близко городок. Чем-то знакомым, чем-то знакомым ползла и овлажнла. А увидевших не было. Но след их был свеж и, собирая остатки сил, Павел бросился к городку.

В подлен он услышал стрельбу. Сердце его заколотилось. К концу дня он вышел на опушку леса и увидел на горе городок, красивый, разношерстный, как выделенный из глны затейником-кустарем... и приюч к нему черту реку на гору — беглет снежной лыжной спел.

Павел остановился, отер холодный пот.

— Осажда!

Он стиснул зубы, клубовы завывть, зареветь или размокнуть себе голову о ближайшее дерево.

Вихрь мыслей неселся в его расклеванном мгулу: Куда ему несется, что делать? Все пропало. Рукастый он утучнл!

— Ушла, ушла, не захотела с ним... Эх! Вот сына и в самый последний момент сорвалось. Пусто он одолел трудный путь, пусть теперь обидится на доблестного городка, но что-то ведь опять заиграет неудача? Это и мало ли что другое в волнении, торопливо передумал Павел. Рукастый, как птица, улетела из рук. Но разве не забудь рады встретить его ребята? Где же приказы они его еще тогда, когда саражили в путь? Но прийти по отсылкам следам Павлу в этот момент показалось мучительно обидным. Следили же за ним ребята, за парвую и вторую свою удуку, несе, как большой прозрачный шар, наитянный солнцем, и вдруг сплотились, уронили и шар укатился в бездорожную снежную даль.

Павел вспомнил ее ласковое глазо, ее горючую руку. Как она гаделла, какса слова говорила ему. Неужели и все был бред, неужели...

Еще раз посмотрел Павел на городок, стоял он невозмутимо и спокоен на высокой своей горе, и всталел над ним амбары, и ветер, и колдилось, доносил скрип занекановских колышек-флаговров. Выше их стинул в морозном воздухе красивый флаг. Все попрережумо.

«Ил придет явится он, бета, обложу приныку, не он придет девушку, а злодо обесилел и да ее хлестот прихлестет. Нет, где ум тут, нет ли подуб! — упразмо решил Павел.

Вспомнил он биение станция, ее шум и несомлеающую жыань, грохот бегущих поездов, бегущих в беспредельные просторы, где илет огромная борба.

«Пригужусь и там! Павел снова почувял в себе салду, почувял сердце крепкое и упорное и, не оглядываясь на городок, повернул назад лыжи.

И больше никогда, никто не видал его в городе...

Дождася городок курсантов, отогнали они мужиков. Курсынты за большими делями нозабыли рассказать, что по пути встретили Павла, который выпался у них во время стоний и всталел на копыток конькового верена. Он сообщил им, что городок еще цел, но поторпшил итти на выручку. Курсынты тронились веселее и освободили городок.

Подозла весна и потоглаи лодчакн, стибансь в три потобны и отдалывались неслами, плоскодонки, нагруженные хлебом везли по реке.

Прошло время, дождался городок покоя и снова стоил тихий и грустный на крутой горе, глядит и зеленую тундму вол.

Тогда заступались шем омовлен в атенках, смущены соланы пенем радку, а миллионы чай закупает местная кооперация для экспорта за границу.

А девушка? — спросите вы меня: Что девушка! О девушке, плахото не салду. Вспору вернулася она на станцию, поросыстая о Павле, узнала, что уехал он не то на восток, не то на запад. Несколько минут она сосредоточенно раздумывала, затем пришла по горючему лбу неподступную руку и торопливо пошла, пересекла стальную путаную рельсо. Много горячих дель дждали ее к себе.

С Л Е Д Ы Т А Й Г И

Пусть дремлет путь, нема тайга,

Когда-то шли варнаки.

То там, то здесь в пути нога

В снега вадвила зянок.

Не знаю я, где друг, где враг,

Не за стволон ли недруг.

И тихо сходит в свой врат

С вершины неба кедры,

И голубой проядет пелси,

Промечтает волчья стая,

Тайгой иду с конца в конец,—

И след и знаки ставлю,

Не мие-ль в привит и ветви шхт

Ковали с тихой леской,

И бледность кожи щек мюлок

М-розной крылась краской.

Ни изб, ни ветел, легдох вех,

Никто мне путь не метил,—

Стволы и мох, стволы и снег,

Блажующий ветер.

Пешком один. Недолог дель.

Давно я не обесал.

И в жолж он, и в жолж—лень,

И волки ходят следом.

Василий ШУЛИКОВ

В 28 ЧАСОВ через Атлантический океан

СЛЕВА: проект вокзала на волнах Атлантического океана

ВВЕРХУ: проект трансокеанского самолета

ВНИЗУ: увалок каков в крыле трансокеанского самолета

Еще вчера это казалось чудесной мечтой, неосуществимой фантазией. Но сегодня, когда позади такие перелеты, как Лондон—Австралия, Париж—Япония, Берлин—Пекин, в этом уже нет ни капли несбыточного. Безусловно добьются результатов современные инженеры, которые в мастерских и заводах Соединенных Штатов и Франции работают над практическим осуществлением двух грандиозных проектов воздушного пассажирского перелета через тысячеверстные просторы Атлантического океана. Потому что теперь иерархия фантазии превратилась в выгодное предприятие, сулящее миллионные барыши.

Первый проект—организовать трансатлантические перелеты, пользуясь самолетами существующих конструкций. Но здесь возникает препятствие: обычный самолет не в состоянии пролететь весь путь между двумя материками, не приземляясь и не пополняя запасов топлива. Произвести же эту операцию на волнах океана нет возможности. Значит—надо отказаться от этой мысли.

Но инженеры рассуждают иначе: раз нет опорных пунктов, а они нужны, значит,—их нужно создать. И сейчас инженер Арир Дефрас детально разработал проект таких гигантских аэродромов на волнах Атлантического океана.

Это сооружение представляет из себя гигантскую плавучую палочку, внутри которой даже при очень сильном ветре и волнении будет настолько тихая и гладкая поверхность воды, что пассажирские гидроланы без риска опустятся на воду. В самом же теле этой палочки будет устроен целый городок с гостиницами, ресторанами, играми, мастерскими, складами горючего и пр. Автор проекта утверждает, что эта громадная подкова не будет чувствовать никакой качки благодаря аппаратам особой системы со скатыми воздушом. А чтобы удержать подкову на определенной месте, предложено соорудить грандиозные паровые машины и воздушные винты, которые должны будут бороться с воздушными и морскими течениями. Уже на-

мечено и географическое расположение этих искусственных аэродромов: исходная точка всего пути—Нью-Йорк, откуда линия восьми островов направляется прямо на восток и по указанной на карте ломаной дуге подползает к французскому порту Брест.

Все путешествие от Нью-Йорка до Гарона, по расчетам Дефраса, продлится 34½ часа.

Авторы второго, более дерзкого, проекта—американцы. На крупнейшем аэродромном заводе Сев. Америки уже готовы рабочие чертежи гигантского трансатлантического самолета, который будет перевозить 50 пассажиров и 100 пудов багажа из Нью-Йорка в Берлин и 200 пудов, часов.

Его путь будет проложен на высоте 15 километров над поверхностью океана—в той воздушной зоне, где нет ветров, туманов, туч и дождей. Но, приближаясь от них, самолет попадет в полосу шестистатиградусных морозов и сильно разреженного воздуха—в условия, при которых немисляма жизнь человека. Поэтому устройство этого аэродромна крайне оригинально.

Он весь герметически закрыт, и в его долоразоминных крыльях, толщиной в 2 метра и раскинутых на 77 метров (57 саж.), расположены помещения для 1/2 сотни пассажиров, 15 человек команды, 100 пудов багажа и 6 моторов. Особое машинное отделение снабжено аппаратами для сгущения воздуха и питания им моторов и пассажиров.

Направление его пути несколько иное, чем во французском проекте. Даже этот гигант не в силах перелететь без остановки те 6.450 км, которые отделяют Берлин от Нью-Йорка. Поэтому самолет принужден делать крюк и, долетев из Берлина до испанского порта Виго, где предложено короткий отдых, остальные 5.200 км пролететь уже без остановки над Атлантическим океаном.

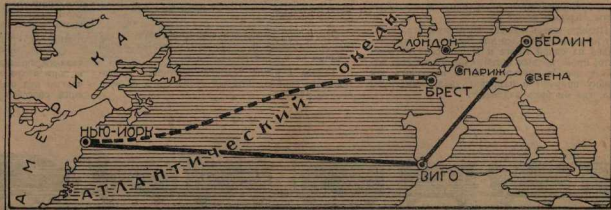
И для того, чтобы эти 6.450 км пути (при тяжести всего самолета в 3.000 пудов) сделать в 28 часов, ему понадобятся мощность моторов всего на всего в 6.250 л.с. сил. Потому что сильно разреженный воздух на высоте 15 км окажет ему настолько малое сопротивление, что средняя скорость полета в 250 км в час вполне осуществима.

Практические американцы подсчитали уже стоимость билета на этот воздушный судно: в среднем 200 долларов. Стоимость же всего самолета—2 мил. долларов.

Грубо говоря, который из двух проектов окажется первым из своего практического выполнения, но во всяком случае одно дело: воздушные пассажирские перелеты через Атлантический океан скоро станут осуществившимся фактом.

КАРТА ПЕРЕЛЕТОВ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Сплошной чертой линия указан путь перелета на трансатлантическом самолете, пунктирной—линия искусственных вокзалов для перелетов на обычных самолетах

Наша прежняя кога-то навинно считали, что земной шар стоит на трех громадных котах. Наш же советский экспортер, действительно саган тремя «котами»: хлебом, лесом и нефтью.

Казалось бы, трешно нам жаловаться на бедность в этом отношении. Запасы советской нефти—вселившие в море. Лесная площадь Союза раскинута на 7 миллионах квадратных верст. А наши хлебные поля испокон веков считались «житницей Европы». Но, ведь, мале вылезти у себя эти богатства! Неразумная жалко имела всю эту громаду товаров на мировой рынок. И вот тут-то на нашем пути стоит громадная трудность. «Природа ошиблась». Это ошибка природы—и несуромно направлении потока.

Действительно, что может быть дешевле, чем запереть в Каспийское море—эту большую закрытую лужу—громадную водную магистраль с 15.000 верст судоходного пути, с 1.300.000 кв. верст охватываемой ею территории, на которой хозяйничает 45 миллионов человек.

А между тем, именно здесь, в бассейне Волги, сосредоточились основные богатства нашего экспорта. В своей северной части этот громадный бассейн богат лесом, южнее—огромные хлебные поля, и, наконец, южнее на юге к нему примыкает наше «черное золото»—богатейший нефтяной район. И все эти продукты—лес, хлеб и нефть—не имеют в Волге того, что они могли бы иметь в ней: удобного, хорошего, прямого пути на западный рынок.

Выход один—заставить Волгу течь в Черное море

Но, спрашивается, зачем волжскому лесу мается по обмелевшим каналам и рекам Мариинской системы, когда Ленинград и Архангельск могут получить лес в большом количестве рядом с собой из северных и северо-западных лесных массивов? И к нему волжскому хлебу путешествовать в Ленинград, когда каждому ясно, что его ближайший путь за границу лежит через порты Черного моря?

Правда, здесь можно возразить, что, ведь, свет не клином сошелся для Волжского бассейна только на оловя Волге и Мариинской системе, и что, кроме водных путей, существуют еще железные дороги, которые могут исправить эту ошибку природы и направить волжские грузы туда, где им быть надлежит.

П. ЛОПАТИН

Мы проводим сейчас грандиозное переустройство хозяйства на основе лес и отдельных важнейших районов.

Три проблемы сейчас стоят перед народным хозяйством Союза: Днепрострой, в М т и в смеси.

Это возражение, пожалуй, было бы справедливо, если бы эти грузы—хлеб, лес и нефть—не были бы... лесом, хлебом и нефтью, т.е. тем, что в транспортной технике несут наравне с массовыми грузами. Дело в том, что основные богатства Волжского бассейна очень невыгодно перевозить по железной дороге. Достаточно сказать, что водная перевозка для этих грузов по крайней мере в 4—5 раз дешевле перевозки их по железной дороге. А потому вывод ясен: природа подтолкнула над нами злую шутку: Волга течет не туда, куда надо.

Значит надо заставить Волгу течь в Черное море. Но как?

Техническая оригинальность Волго-Донского канала.

Принимите карту течения Волги и именно то ее место, где она около Сталинграда (бывш. Царицына) близко подходит к Дону, впадающему в Азовское море, и, значит, имеющему непосредственный выход в Черное море, и вам станет ясно, что этот малый перешеек, шириною в сто верст, и есть как раз то место, которое само собой напрашивается соединить обе реки судоходным каналом.

С технической стороны это будет очень интересная работа. Дело в том, что уровень Волги в том месте, где предложено соединение ее с каналом, примерно, на 20 сажен ниже уровня реки Дона. Поэтому прорыть самый обыкновенный канал между этими двумя реками нет никакой возможности, потому что тогда Дон мог бы бросить свое старое русло и устремиться по каналу в Волгу и Каспийское море.

Для того, чтобы этого не случилось, предложено устройство на Дону и на Волге целой системы шлюзов, которые дадут возможность судам беспрепятственно проходить по Волге в Дон и обратно и в то же время не будут пропускать донской воды в Волгу.

Но самое интересное в этой работе состоит в том, что, ведь, сам канал будет выше и Дона и Волги. Он будет проходить на протяжении 97 верст по сухому месту и, конечно, тех небольших ручейков и реченки, которые он будет пересекать, окажется далеко недостаточно для наполнения его водой. Поэтому решено устроить искусственное питание канала водой. Для этого в месте соединения канала с Доном будут установлены насосы, мощностью в 9.000 лошадиных сил, которые и будут накачивать воду из Дона в канал и, отдавая напоследок его, потом понижать его уровень, от прорыва, от просачивания в почву и от прохода судов через шлюзы.

Эти 9.000 лошадиных сил канал получит от гидроэлектрической станции, установленной у одной из плотин на Дону.

Такова вкратце техника постройки Волго-Донского канала, который обойдется в 70 миллионов рублей.

Маленькие копейки, вырастающие в миллионы

Что даст нам Волго-Донской канал?

Прежде всего соединение Волги с Доном откроет доступ к открытому морю продуктам громадной территории Союза, охватываемой не только Поволжьем, но и Урал, Киргизию и Западную Сибирь (см. карту).

Этот грандиозный район, превосходящий по площади в несколько раз любые из больших западно-европейских государств, в первые же годы существования канала и в состоянии дать без всякого нажима на свое хозяйство 300 миллионов пудов ежегодных экспортных грузов, доводя эту цифру лет через 10 до 500 миллионов пудов. А это значит, что благодаря каналу лес к Поволжью, Киргизии и Западной Сибири получит прекрасный выход к открытому морю через Ростовский порт и резко увеличит общую цифру нашего экспорта.

Увеличив наш экспорт, он и увеличит его. При самом скромном и осторожном подсчете по каналу в первые же годы после его постройки пройдет ежегодно 110 мил. пудов экспортного хлеба. Перевоза каждого пуда этого хлеба влечет наем через канал к Ростову экономнее дешевле теперешего его провоза по железной дороге и на 10—12 коп. А это значит, что на перевозку одного только хлеба канал даст ежегодную экономию в 12 миллионов рублей и составит на пуде нашего вывозного хлеба в среднем на 11 коп. Эти же экономии 11 коп. дадут советскому хлебу лишнюю копейку побед своих конкурентов на мировом рынке.

Та же картина и с остальными грузами—нефтью и лесом.

Волго-Донской канал, увеличив общую цифру нашего вывоза, в состоянии понизить его цену только на одной перевозке на 25 миллионов каждый год.

Этих подсчетов более чем достаточно, чтобы не только перекрывать 70 мил. рублей на его постройку, этот расклад канал скорее окупит в первые же годы своей работы.

Второе звено великого пути—глубоководный морской канал

Волго-Донской канал—только одно звено в той грандиозной проблеме, которая носит название «Волга—Дон—Азовское море». Потому что мало заставить Волгу течь в Черное море, мало подвести 300 миллионов пудов ежегодных экспортных грузов к Ростовскому порту. Надо еще суметь потянуть эти сотни миллионов на иностранные суда, и не просто потянуть, а дешево и быстро. И вот тут-то перед нашим хозяйством встает новая трудность.

Ростовский порт мелководен: только специальные портовые, так называемые «китересные суда» могут входить в него, крупные же океанские пароходы, приходящие за нашим экспортом, вынуждены останавливаться в Таганрогском рейде на расстоянии 100 верст от Ростовского порта. И вот это мелководье порта и делает его работу поистине варварской.

Обычно крестьянский экспортный хлеб подвозился по железной дороге или на подводах в порт и сваливался на набережной большей частью под открытым небом. Старым российским способом, двумястами армян грузчиков

АЗОВСКОЕ МОРЬЕ

лдных достижений авиационной техники и в соответствии с потребностями всей страны
Туркестано-Сибирская магистраль и Волго-Донской канала. О перекрестке двух читайте

на своей собственной спине перегружала этот хлеб в портовые лихтерные суда. Погрузившись, эти маленькие пароходики или нагло литье свои хлебные иностранные корабли, которые длинной цепью по 50—80 штук ожидали русский хлеб в открытом море на Таганрогском рейде. Лихтер подходил к иностранцу и, прислонившись к нему бортом, перегружала в него свое зерно опять-таки самым бесхитрым способом: в баках паровой лебедкой.

В результате океанский корабль грузился хлебом в Ростовском порту 7—10 дней. И это — в худшем случае. Потому что при малейшем волнении (не говоря уже про бурю и шторм) лихтер и иностранец ударялись друг о друга бортиками и волней-неволей прекращали погрузку. Поэтому в среднем можно считать, что океанский корабль грузился в порту 15—20 дней¹. А за каждый день простоя мы должны были платить хозяину корабля сотни и тысячи рублей.

В конечном счете эта варварская погрузка удорожала каждый пуд нашего хлеба на 5—6 копейек.

Нена, что терпеть такие условия Ростовского порта нам крайне невыгодно. Даже больше — мы не можем их терпеть, потому что при этих условиях Ростовский порт не в силах погрузить те 300 миллионов пудов, которые придут к нему по Волго-Донскому каналу.

Здесь опять-таки нет другого выхода, как прорыть глубоководный морской канал от Ростова до Мариуполя — на протяжении 120 верст и дать возможность океанским судам грузиться непосредственно в порту, а не скататься издалека в открытый море рядом с маленькими допотопными лихтерами.

Этот канал обойдется нам в 40 миллионов рублей, но зато даст нам возможность пропустить через Ростовский порт 300 мил. пудов экспор-

тных товаров и сэкономить на каждом пуде хлеба 5—6 коп. При 110 мил. пуд. хлебных грузов в первые годы после постройки он даст Союзу 6½ миллионов рублей ежегодной прибыли.

«Волга — Дон — Азовское море» — мировая проблема

Но этими двумя сооружениями — Волго-Донским и глубоководным морским каналом — еще не исчерпывается вся задуманная нами грандиозная проблема «Волга — Дон — Азовское море».

На мировом рынке за одно только название русский хлеб нам ежедневно платят по 20 коп.

Секрет этот состоит не в том, что по своим внутренним качествам наша пшеница очень плоха. Наоборот, заграница признает, что питательные свойства русской пшеницы — лучшие в мире, но преледальные способы ведения нашего сельского хозяйства делают ее засоренной и гнилой, а исключительно скверные условия портовой погрузки, где привезенный хлеб несколько дней под открытым небом ждет своей очереди попасть в трюм иностранного парохода, делают его сырым и затхлым. Кроме этого, невозможность отсортировать хорошие сорта от плохих делает русский хлеб вообще скверным. Эти же 20 коп., умноженные на сотни миллионов пудов экспортного хлеба, приносят громадные убытки нашему народному хозяйству.

Чтобы эти 20 коп. вернуть нашему хлебу, нам надо в Ростовском порту сделать то, что уже давно сделала заграница: поставить

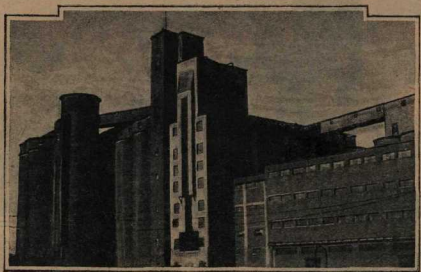

КАРТА РАЙОНА ТЯГОТЕНИЯ К РОСТОВСКОМУ ПОРТУ после прорытия Волго-Донского канала. В первом нижнем углу дана диаграмма сравнительных площадей этого района с площадью Великобритании и Италии

мощный, усовершенствованный хлебный элеватор. Он даст нам возможность не только высушить сырой хлеб и очистить засоренный, но и отсортировать хороший от плохого, а главное — держать его в элеваторе так долго, как это нам выгодно, не боясь, что он окончательно созреет и испортится под открытым небом.

Вот кратко вся грандиозная проблема «Волга — Дон — Азовское море». Она обойдется нам в 140 миллионов рублей. Но взамен этого она откроет нашему Поволжью, Киргизии и Западной Сибири дешевый, короткий и удобный выход к открытому морю и сэкономит на каждом пуде 35—36 копейек.

А это выводит значение нашей грандиозной проблемы не только за пределы хозяйства нашего юго-востока и даже всего Союза. «Волга — Дон — Азовское море» становится проблемой мировой между прочим и потому, что прав был, недоброй памяти, Керзон, когда он писал: «В грядущей войне победит не тот, у кого дальнее, а тот, у кого ближе пушки и ядовитые удушливые газы, а тот, у кого больше топлива и хлеба в его закромах и каменугольных шахтах».

Мощный хлебный элеватор в Америке

ВСЕСОЮЗНЫЙ ПРАЗДНИК ЗИМНЕГО СПОРТА

Очерк Л. БАРХАШ

Смолиный в руках физкультурников

За три, за четыре дня до начала соревнований в Ленинград начали стекаться сильнейшие лыжники и конькобежцы со всех концов Советского Союза. Распределительный пункт был устроен в Смольном. Туда стекались карельцы, финляндцы, уральцы, нижегородцы, рабочие спортсмены Финляндии и Норвегии.

В Смольном разместилась большая часть приехавших—около 300 человек. Билет участника праздника оказался могущественным мандатом в Ленинграде. С этим билетом обеспечивался бесплатный проезд на трамвае, часовой, при входе в Смольный, пропускали по этому билету наших и зарубежных спортсменов во любое время дня и ночи.

Тяжину громадных коммат со сводчатыми потопками нарушили шипение палковых ламп, при помощи которых свисались лыжи перед ганками. Фигуры в спортивных костюмах снова встали; не прекратились смех, перекличка, суетою.

К стене зашли посетители, случайно попавшие на эту площадку провозного здания. Казалось, что Смольный отдал спортсменам, что штаб ленинградского пролетариата превратился в главный центр советского спорта.

Лыжи и гонки занимали центральное место в программе праздника. Мировые чемпионы в беге на лыжах—финны—привезли свои силы с нашими лыжбежцами. Норвежцы, дающие до сих пор мировых чемпионов по горно-лыжному спорту, привезли лучших прыгунов рабочего союза. В сильнейшем составе выступала Москва, до сих пор выигрывавшая лыжное первенство. Уже не учтите, а борются за первенство приехали лыжники Тулы, карелы, нижегородцы, рязанцы, уральцы.

Невиданную картину представляла старт бега для женщин. 60 участниц прошли 5 километров в жесткой обуви. Мировая лыжница Корхалин (Финляндия) почти на минуту оторвалась от сильнейшей лыжницы СССР Г. Минтковой, установившей новое всеобщее достижение. Валенту, друг за другом, подходили к финишу десятки крепких девушек—лучших лыжниц нашего Союза.

Если участники скоростных соревнований проходили свои дистанции под пологом и приветствия зрителей, то зато на прижках мертвое молчание тысячной толпы сопровождало опасное, но редкое по красоте, упражнение.

Норвежцы, финны, наши лыжники скользили с самого верха громадной горы в Юсках—туда, в долину, где люди казались точками. По пути, в момент наибольшего разгона, лыжника встречал трамплин, подбрасывавший спортсмена высоко в воздух.

Когда подлетает к трамплину и видны его края, кажется, что сейчас полетишь в беду. Но уже нельзя поддаться страху, уже не остановить стремительного полета. Даже, если попытаться затормозить, все равно поднимет на воздух, но зато зальнут вихрем, удирит о снег и перевернется десяток раз бокавший лыжник. Искусство состоит в том, чтобы сохранить равновесие в воздухе, чтобы резко выпрямиться при отталкивании и лететь на лыжах над головами зрителей на два-три десятка метров, преодолевая боком пространства и плавно опускаясь на крутую опуку. В совершенстве владеет тем, бесстрашно должен быть прыгун-лыжник.

Безошибочно опускаясь на снег, после полета и мчешься далее с безумной скоростью. Но если вздрогнешь, неправильно поставишь ногу, приблизишься к земле,—горе лыжнику. Тысяча зрителей замирала при звуке гонга, и уже никто не мог выйти на дорожку, по которой скользила прыгун. Стойко держались финны, рязанцы, аэсами рук в воздухе, подобно крыльям, удлинившие полет. К удивлению всех—падали норвежцы. Дети гор, они не сумели здесь остаться победителями. Может быть, неверно был для тех трамплин, может быть, устал с дороги.

Вначале падали под рад москвичей и ленинградцев. Но вот Попов (Москва) напряг все силы для правильного полета. Вытнулся в воздухе и ровно спланировал на опуку. Качнулся один раз вбок... Но нет, уже мчешься далее лыжник.

— Девятнадцать метров!—возгласит судья

За кем победа?

Самые крепкие, самые тренированные, самые опытные спортсмены приехали на праздник СССР. Победили те, кто с детства знаком с лыжами и коньками, кто сумел упражнением восторжене развить свое тело, у кого от правильной тренировки, как машина, работало сердце, широкую струю воздуха пропускали могучие легкие.

Прыжок
Осс
(Норвегия)

...Искусство состоит в том, чтобы сохранить равновесие и лететь над водами зрителей два—три десятка метров, приближаясь к земле, плавно опускаясь на крутую опуку...
В воздухе Лампала—сильнейший прыгун Финляндии (справа)

Утром 18 февраля потянулись во все стороны приехавшие спортсмены. Конькобежцы—на каток имени Ленина, лыжники—на посыл,—в Парголово, где происходили соревнования.

На протасах, на беговых коньках, в эстафетах и личном первенстве проносились конькобежцы по дорожке стадиона, покаясь один перед другим искусству бега, тренированности, выносливости.

На беговых коньках первенство опять осталось за москвичем Я. Мельниковым. Без поражений выступал последние годы этот сильнейший конькобежец СССР. Но в этом году оравла конкуренты и бьет Мельникова на 500 метров ленинградца Кулинина. Оставил на длинных дистанциях москвич Кулинин, побивший в этом году Мельникова за границы. Значительно уступает этой тройке во силах П. Ипполитов, попрежнему блестящий владетель технической ходы.

Хоккейные игры показали, что трудно сейчас тягаться с Ленинградом. Сильнейшие конкуренты—москвичи—были разгромлены, забив ленинградцам один мяч и пропустив в свои ворота четыре.

Немного команд выступало на первенство по хоккею. Не по карману был нашему физкультурнику дорожки хоккея, хоккейные коньки и другое снаряжение. Пока не удастся уделить инвентаря, не станет у нас массовой игрой хоккей.

Сильнейшие девушки—лыжницы. Слева В. Корхалин—чемпионка Финляндии, работница текстильной фабрики; справа Г. Минткова (Москва)—чемпионка СССР

Но не в них, не в победителях вся сила, не ими мы гордимся. Победитель пришел откуда, где уже масса поставлена на лыжи, где после фабрики, школы молодежь бежит на каток. Не сами рождаются чемпионы, они выходят из массы. Больше спортивное движение третьего десятилетия—предела результаты сотен участников говорят о десятках тысяч занимающихся зимним спортом во всех концах Советского Союза.

„ЧУДЕСА“ КУЛЬТУРЫ

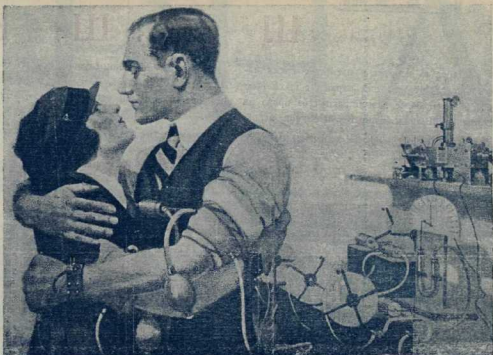
(ПОСЛЕДНИЕ НОВИНКИ ЗАГРАНИЦЫ)

Любовный термометр

Америка—страна, вывозящая золото и патенты на нравственность. В Америке—закон грезит не только в отношении водки. В Америке вводится тщательный контроль над... любовью. Американский ученый физик М. Геринбак в отличие от американских шинярей, тайно водоотопылающих водкой, решил позарезработать на «любовь». Он изобрел прибор,—чудеснейший прибор. Если обязать проводки этого прибора руки и грудь любящего на изолируется в любви мужчине—стрелки прибора регистрируют дыхание, пульс и давление крови и безошибочно показывают, прет он или нет.

Любопыт человек, физик Геринбак, предложил свое изобретение жюри, регистрирующей браки (некто в роде нашего згиса).

Не знаем, как обстоит с точностью и научностью этого необходимейшего прибора. Известно только, что текущий счет этого нового физика показывает усиленное биение пульса его доходит!

позволяющем ему опускаться на глубину в 30 сажен, прекрасно может слушать приказание, передаваемое ему по радио с поверхности воды. В настоящее время техника работает над тем, чтобы снабдить водолазов и передатчиками радио-станциями.

ОРАТОРУОКРОТИТЕЛЬ

Назначение этого прибора (изобретение английского электротехника)—способно прекращать мудрые рассуждения слишком разговаривавшихся ораторов. Он устанавливается на стол, и когда подходит к концу время, предостановленное оратору, он подает ему с это м сигналом зеленым светом. Неведа же времени остается совсем немного, он загорается желтым светом, а когда время уже истекло,—он отбрасывает на ораторе спол яркое красноее светя. И оратору не остается ничего другого, как быстро кончить свою речь.

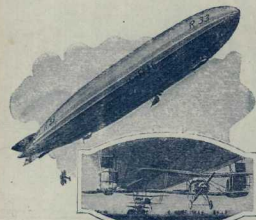
Как удивно было бы это изобретение на наших заседаниях и собраниях и сколько вершин было бы сохорнено в всех триадае и повернуто!

Эпидемия бокса

Эпидемия бокса за последние годы особенно жестоко свирепствует за границей. Его матчи привлекают тысячи зрителей, и любители, кроме славы, получают миллионные куши.

Сейчас эта эпидемия перекинулась и на животных. Вернее, люди так увлеклись этой ебоксменшей, что даже животных игнгируют в свое увлечение, и сейчас в Америке не редкость видеть оригинальные матчи в роде тех, что засняты на наших фотографиях.

Насесты для самолетов

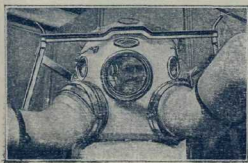
Новый английский дирижабль R 33 оригинально приспособлен для дальних пассажирских рейсов и для работы на войне. Очень крупный, могущий нести большие тяжести, этот воздушный корабль является в настоящее время как бы насестом для самолетов, как бы их движущей станцией: под корпусом его устроены гнезда, в которых прекрасно могут уместиться несколько аэропланов.

Летающий человек

Последние американские журналы сообщают, будто одному австрийскому изобретателю удалось соорудить крошечный мотор с двумя пропеллерами и небольшими крыльями, способно уместиться в сумке. При своем первом пробном испытании новый летающий человек пролетел на высоте 150 фут. полторы мили.

Радио под водой

Наша фотография—еще лишний подтверждение универсальности применения радио. Современный водолаз в своеобразном и громоздком костюме,

Совершенствуют полицейскую спецодежду

Германская полиция в Берлине получила новую и оригинальную «спецодежду»: металлическую кольчугу, закрывающую грудь, живот и верхнюю часть головы. Эта новая одежда предназначается для тех случаев, когда полицейские отправляются на особо опасную работу. Испытания показали, что она очень легка и не вызывает движения, а, кроме этого, не только не уязвима для холодного оружия, но даже и для пуль. Металлический сплав, на которого сделана эта полицейская спецодежда, пока держится в тайне.

Ш А Ш К И

Интерес к шашкам в последнее время настолько возрос, что они наравне с шахматами все более и более завоевывают себе право на внимание. Шашки являются народной игрой, на первый взгляд простой, но они требуют долгого и внимательного изучения.

Черные.

8	A8	a8	c8	d8	E8	F8	G8	H8
7	A7	a7	c7	d7	E7	F7	G7	H7
6	A6	a6	c6	d6	E6	F6	G6	H6
5	A5	a5	c5	d5	E5	F5	G5	H5
4	A4	a4	c4	d4	E4	F4	G4	H4
3	A3	a3	c3	d3	E3	F3	G3	H3
2	A2	a2	c2	d2	E2	F2	G2	H2
1	A1	a1	c1	d1	E1	F1	G1	H1
	A	B	C	D	E	F	G	H

Белые

Шашки являются мощным оружием для развития умственных способностей молодого рабочего и работницы.

Для игры в шашки служат исключительно 32 темных квадрата. Доска кладется между играющими темными угловатыми клетками налevo.

Горизонтальные ряды обозначены 8-ю буквами латинско-французской азбуки: a, b, c, d, e, f, g, h (по-русски эти буквы произносятся: а, б, в, д, е, еф, ж, аш) и считаются слева от играющего белыми шашками. Вертикальные ряды обозначаются цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, считая тоже от играющего белыми шашками.

Ход шашки отмечают так: отмечают клетку, где она стояла, посредством буквы и цифры, ставят тире, затем таким же образом приписывают название клетки, на которую делается данный ход, напр., с3—d4. Если нужно обозначить движение шашки с доски, то между наименованием клеток вместо тире ставят двоеточие; напр., d4 : b6. Знак вопроса обозначает слабый ход. Восклицательный знак обозначает сильный ход. Д—дамка, пр.—простая.

Кроме, того нужно запомнить название путей шашечной доски. Самый длинный путь из восьми полей (линии a1—h8) называют большой дорогой. Два одинаковых лежащих рядом пути, по семь клеток в каждом (линии g1—d7 и h2—b8), именуют двойником.

Два пути по шести клеток и два соединяющие их в концы по три клетки в каждом (линии c1—h6, d3—f8, e1—a3, h6—f8) называются тройником. Два пути по пяти клеток, с соединяющими их по концам путями по четыре клетки (линии e1—a5, h4—d8, a5—d8, e1—h4) именуют кошкой.

Чтобы показать как следует вести запись игры, даем коротенькую партию с быстрым выигрышем.

Партия № 1.

Играна в Москве в 1926 году.

Иванчик.	Давидик.
(белые)	(черные)
1. с3—d4	в6—a5
2. h2—c3	с7—b6
3. g3—f4	d8—e5
4. f1 : d9	e7—c5
5. f2—g3	...

Нужно было играть 5. h2—g3 и, несмотря на свое несколько стесненное положение, белые могли спокойно продолжать игру.

5.	с5—b4
6. a3 : c5	h6—e5
7. d4 : f6	h6 : h4
Салас	

Издательство ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

МОСКВА,
Новая пл., 6.

Кальвус, Б. Физкультура для всех. Популярное руководство по включению физкультуры в повседневный быт трудящихся города. Для молодежи и взрослых обоего пола. С пред. Н. А. Семашко. Второе издание, дополненное и исправленное. 46 стр.

Содержание: Н. А. Семашко—Предисловие. Необходимые гигиенические указания. Физические упражнения в течение дня. Индивидуально и коллективное пользование физическими учреждениями в трудовом быту. Контроль и самоконтроль. 160 стр. Цена 85 к.

И
В
М
П
Е
Т
С
Я
Р
О
Д
А
Ж
Е

Плютковский, Е. Эбер и его естественный метод физического воспитания. Второе издание. 221 стр.

151 стр. Ц. 50к.

Ипполитов, Па. Показательная таблица техники скоростного бега на беговых коньках, достижений и тренировок.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР ЛИТЕРАТУРЫ

КАК ИЗДАНИЯ „МОЛОДОЙ ГВАРДИИ“, ТАК И ДРУГИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Магазины Издательства принимают на себя ПОДБОР ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ БИБЛИОТЕК: комсомольских, пионерских, ленинских уголков, изб-читален и др. Большой выбор пионерского снаряжения, спортивных и канцелярских принадлежностей. В провинцию заказы высылаются с наложенным платежом. Организация СКИДКА. При внесении всей суммы заказа вперед — пересылка и упаковка за счет Издательства. КATALOGИ, бюллетени, проспекты высылаются БЕСПЛАТНО.